

**Александр Шапочкин
Алексей Широков**

**ГЛАВА
КЛАНА**

Игнис

Александр Шапочкин

Глава клана

«Шапочкин Александр »
«Широков Алексей Викторович»

2022

Шапочкин А. И.

Глава клана / А. И. Шапочкин — «Шапочкин Александр »,
«Широков Алексей Викторович», 2022 — (Игнис)

Бажовы всегда собирают свои Осколки. Клан принял решение возродить московскую ипокатастиму и Старейшины объявили соревнование за право её возглавить. О своих притязаниях заявили лидеры трёх сильнейших филиалов... и Антон Бажов. И пусть он полукровка, но уникальная бэта-стихия жидкого огня с лихвой компенсирует этот недостаток. Другой вопрос, что молодой чародей слишком неопытен, но и эту проблему можно решить, приставив к нему умелого наставника... наставницу. И это не значит, что будет легче. Скорее наоборот, битая жизнью, циничная чародейка, любящая выпить и гульнуть, с самого начала заявила, что он ей не понравился. Но она сделает всё, чтобы Антон стал главой клана.

© Шапочкин А. И., 2022

© Шапочкин Александр , 2022

© Широков Алексей Викторович, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Шапочкин, Алексей Широков

Глава клана

© Александр Шапочкин, Алексей Широков, 2022

Пролог

Похожий на огромный утюг паровой вездезд, громко запыхтев, выкинул из всех своих пяти труб густое облако пара, взрывая колёсами и носом снег, выкатил из низины на вершину небольшого холма. Пусть это и было необычно, но на машине не имелось опознавательных знаков, обозначающих принадлежность к какому-либо Полису. Серый корпус был частично затянут крупноячеистой сеткой, обшитой белыми кусками ткани, среди которых особо выделялись редкие чёрные лоскуты, а медные и латунные детали были покрыты каким-то специальным тёмным лаком, отчего совершенно не блестели под лучами перевалившего за полдень светила.

Ухнув, машина остановилась. Лязгнул, открываясь, запор верхнего люка, крышка откинулась, а на небольшую, расположенную на носу вездезда смотровую площадку выбрались два человека. Они были довольно похожи и лицами, и подбитыми мехом плащами, так что, если бы не очевидная разница в возрасте, их легко можно было принять за братьев. Впрочем, на самом деле мужчины не были даже близкими родственниками, а по поведению старшего становилось понятно, что именно он находится в подчинении у своего спутника, а вовсе не наоборот.

– Петрович, ты уверен, что нам нужен именно этот посад? – задумчиво спросил молодой, рассматривая в бинокль далёкое поселение, обнесённое средней паршивости частоколом. – Знаешь, я уже начинаю жалеть, что взялся за это дело... Оно вообще того стоит?

– Не могу знать, Михал Иванович, – устало ответил его компаньон, поправляя ушанку. – По последней информации, она вроде бы здесь. Впрочем, новости из Подпёсинска устарели как минимум на две недели, и гарантировать что-либо трудно.

– Вот же не сидится бабе на месте, – поморщившись, пробормотал первый, продолжая внимательно осматривать окрестности. – Ещё буран этот проклятый. Три дня из-за него без толку убили. О! А вон в той рощице походу живёт кто-то нехороший! Вон там, почти рядом с посадом...

Старший недоверчиво хмыкнул и, приняв из рук собеседника бинокль, сам принялся рассматривать небольшой лиственный лесок, расположившийся к югу от интересующего мужчин посада. В общем-то, не было ничего странного в том, что, только взглянув на опушку, его спутник смог определить наличие скрывающихся в чаще чудовищ. В мощную оптику легко можно было различить как многочисленные поваленные, измочаленные могучими челюстями стволы, так и содранную огромными когтями кору на крупных деревьях.

К тому же, как по заказу, над, казалось, спящими, покрытыми снегом полями и многочисленными рощами, словно разбросанными неким великаном до самого горизонта, разнёсся душераздирающий рёв. Протяжный, скрипучий, как будто сам по себе обладающий эхом.

– Михайл Иванович, да тут повсюду заражение пятой или шестой степени! Тварей немёрно! – хмыкнул старший, рассматривая в этот момент что-то заинтересовавшее его в другой стороне от поселения. – Вон как драпанули болезные. Пущевики побежали! А там, на опушке, Анука стоит. Опасность для себя высматривает.

– Анука – это нехорошо... – пробормотал молодой, задумчиво почёсывая светлую щетину на подбородке. – Но хоть и монстры, а понять их можно. Голосистая тварюшка явно немаленького размера, да к тому же чем-то очень расстроенная. Только вот по вокальным данным я её что-то никак не признаю.

– Может быть, воронов мишка? – предположил Петрович. – Вроде похоже, да и привычны они территорию когтями метить.

– Ну, если и мишка, то очень большой, – покачал головой его спутник. – Ладно... я пошёл!

– Погоди, Михаил Иванович! – схватил старший за локоть молодого, уже хотевшего перепрыгнуть через ограждения смотровой площадки. – Может, всё же паровик к воротам подготовим? Опасно ведь!

– Опасно не опасно, а дело само по себе не сделается, – отмахнулся мужчина. – Побереги технику, Петрович, нам ещё домой возвращаться. Да и устал я уже от этой консервной банки. Лучше так косточки немного разомну.

– Как бы тварь эта сама их вам не размяла, – пробурчал спутник, отпуская тем не менее его руку.

– Да не бойсь, Петрович, – усмехнулся Михаил. – Защитный купол посадка близко. Даже отсюда чувствуется, что он довольно-таки сильный. Чародей я или нет – уж быстро бегать в любом случае умею. Всё, давай. Либо скажи Люде, чтобы вездезд здесь держала, либо отгоните его вниз, под холм, чтобы тварей лишний раз не нервировать.

С этими словами мужчина перепрыгнул через перила и, ловко проскользив по бронированному носу паровика, зашагал прямо по насту, ни на сантиметр не проваливаясь в глубокие сугробы. Мягкое серебристое свечение живицы под его сапогами было практически незаметно на фоне белой корки тонкого льда, и казалось, будто он, словно призрак, парит над заснеженной равниной. Только почти неразличимые следы, остающиеся за его спиной, говорили о том, что это всё-таки человек из плоти и крови.

Минут через пятнадцать неспешной ходьбы Михаил достиг границы невидимого охранного купола и, ещё больше замедлившись, прошёл сквозь него, охваченный на мгновение золотистым сиянием. Это было своего рода правило хорошего тона в этой дикой местности, позволить таким образом жрецу Древа полностью прочувствовать незваного гостя, вторгшегося на охраняемую им территорию, показывая, что ты пришёл в поселение с миром. В противном случае он и панику мог бы поднять в посадке, решив, что на них кто-то нападает.

Очень скоро мужчина оказался перед закрытыми воротами и остановился, задрал голову вверх и глядя на двух охранников, наблюдавших за ним с подмостков, проложенных по верху частокола.

– Доб-здраве, добрые люди, – поприветствовал он хмурых посадчан, крепко сжимавших в мозолистых руках длинные копьё с коваными наконечниками, имевшими под остриём металлическую рогульку.

Ещё несколько человек, вооружённых луками и тяжёлыми пехотными стреломётами древней конструкции, прятались за многослойными плетёными городинами, периодически выглядывая из вырезанных в них окошечек-бойниц. Впрочем, в Михаила никто не целился, а потому чародей предпочёл просто не обращать на этих наблюдателей внимания.

– И тебе здрав будь, коли не шутишь, – не очень дружелюбно ответил один из охранников. – Что тебе надобно, чародей?

Собственно, не очень радушное приветствие было скорее всего вызвано дымящим на дальнем холме огромным паровиком, явно нервирующим расположившихся на стене стражей. Пусть путник и пришёл к ним в одиночку, но и дураку было понятно, что приехал он сюда в компании. Так что привыкшие ожидать от жизни худшего мужики вполне могли предположить, что в то время, как чародей отвлекает их внимание, его спутники проникают в посад, претворяя в жизнь какие-то тёмные замыслы.

– Я ищу одну женщину, чародейку, – честно ответил Михаил, не видя особой причины скрывать. – Где-то две недели назад она покинула Подпёсинск и, по словам местных жителей, собиралась направиться к вам в Ясные травы. Мне срочно нужно с ней поговорить, и после этого я сразу уйду.

– Есть здесь такая, – переговорив с товарищами, ответил стражник. – Баят, страшная, что смертный грех, с мордой исполосованной и повязкой на правом глазу...

– Да, это она, – кивнул мужчина, но охранник ещё не закончил.

– Пришла дней десять назад. За работу взялась, верлиоку, что в соседней роще обосновался, извести, – продолжил стражник. – Деньги взяла и с тех пор из таверны не вылезала. Всё брагу глушит!

Михаил только горестно покачал головой. Сам он с Марфой Александровной никогда не встречался, однако в клане об этой женщине ходили очень разные слухи. В большинстве своём не очень лестно характеризующие чародейку. И ещё меньше понятно было, что, собственно, подвигло Старейшин возложить именно на неё ту задачу, о которой ему было поручено сообщить грозной воительнице. Ведь совершенно неподходящий же человек.

Десять лет назад эта женщина, можно сказать, покинула клан и с тех пор бессистемно бродила по посадам, нигде особо не задерживаясь. Собственно, не ликвидировали её ещё как отступницу только по той причине, что та исправно и, не бунтуя, выполняла любые поручения Совета. Вот только чтобы доставить их кому-то приходилось изрядно попотеть, ища «Неуловимую Марфу». И вот в этот раз честь побыть таким мальчиком на побегушках выпала именно ему, далеко не последнему в своей ветви человеку, у которого и так своих забот полон рот, а он был вынужден бросить всё и уже полтора месяца мотаться по долам и весям, разыскивая эту склочную бабу.

Особую пикантность всему этому делу придавало то, что у Марфы имелось любимое занятие: бесить посадских простецов, доводя старост буквально до белого каления, а местных баб и старух до иступлённого визга. Обычно приходя в новое поселение, чародейка бралась за какую-нибудь работу, связанную с уничтожением монстров, сразу же требуя полную цену. Вот только, если довольный глава деревни думал, что она сразу же с мечом наизготовку помчится выполнять заказ, он сильно ошибался.

Вместо этого Марфа демонстративно проводила дни, глуша выпивку по кабакам и крутя бесчисленные интриги с молодыми юношами и красивыми мужиками, не обращая никакого внимания на то, женат попавшийся ей тип или свободен. Несмотря на то, что чародейке было уже под пятьдесят, некогда красивое лицо её было изуродовано страшными шрамами, а правый глаз она потеряла в бою с аватаром стихии металла, в котором погибли оба её уже взрослых сына, она странным образом имела удивительную притягательность для мужчин и пользовалась этим без зазрения совести.

Обиженные жёны и многомудрые старухи в селениях, по которым проходила Марфа, называли её не иначе как «ведьмой», свято веря, что их мужья и сыновья спутались с этой «шалавой» не по доброй воле. Повизгивая от возбуждения и истекая слюной, следуя за ней на карачках прямиком на сеновал, ещё на полпути сдирая портки, они, безусловно, были околдованы злодейкой. Которая, по мнению баб, была даже хуже продажной женщины, потому как денег не брала, а занималась любовью исключительно ради собственного удовольствия. В то время как многие из этих ревнительниц справедливости сами радостно скрашивали Михаилу долгие зимние ночи, зачастую прямо в супружеской спальне, за пять-жесть рубликов готовые ублажать «дорогого гостя» ровно столько раз, сколько потребуется.

Всё это, а также полное непонимание простецами-обывателями особенностей охоты на чудовищ, из-за чего они очень сильно обижались, думая, что напиваясь и развратничая, чародейка просто тянет время, пользуясь их гостеприимством, очень затрудняло Михаилу поиски. Зачастую она уходила из посада, никому ничего не сказав, а вместе с ней навсегда исчезал и заказанный ей монстр. Но всегда встречались злые языки, которые утверждали, что женщина просто сбежала! Прихватив незаслуженную плату. А монстр либо сам ушёл, испугавшись доблестных посадчан, либо сама Марфа навлекла на них беду, чтобы потом вроде как с ней разобраться!

– Так я могу войти? – поинтересовался Михаил, всё так же выжидающе глядя на стража.

– Можешь. Токмо в посаде не балуй! – принял, наконец, решение второй не вступавший до этого в разговор охранник. – Детей своим колдовством не пугай, драк не устраивай, на баб наших не заглядывайся и юнцов на сторону не сманивай!

– Не буду, – покладисто согласился с выставленными условиями чародей.

Собственно, примерно то же самое говорили практически во всех поселениях, которые во время своей миссии он вынужден был посетить. Вот только сами местные первыми радостно забывали о своих же правилах. Детишки толпами носились за одарённым с воплями: «Дяденька, жакни!» И неизменно пытались выяснить, может ли Михаил летать и ещё какую-нибудь ерунду. Вроде фокусов с глотанием шпaga, которые обычно демонстрировали на ярмарках лицедеи. На драки местных выпивох и провоцировать было без надобности, размять кулаки любили во всех посадах, и непременно находился доморощенный герой, который бахвалился, что уж он-то «этого колдунишку» одной левой! Ну а табу на общение с женским полом исчезало в тот же момент, когда аборигены понимали, что гость к ним пришёл не с пустыми карманами. Тогда уже сами ревнивые мужья и строгие отцы начинали таскать друг друга за бороды, лишь бы первому успеть предложить чародею кров и постель на ночь, а также супругу-молочу или любимую дочку.

– Тебе, человек, лесенку скинуть или так заберёшься? – без особого интереса спросил первый из вступивших с Михаилом в разговор стражников, мотнув головой на ворота, к которым намело немало размера сугроб.

– Да сам уж как-нибудь, – хмыкнул чародей и просто взошёл вверх по грубо отёсанным колям, быстро оказавшись на подмостках возле паливших на него охранников.

Он мог бы, конечно, и просто запрыгнуть, однако такой уж был у Михаила характер, что лишний раз показывать свою удаль он не любил. Никогда не считал подобное лихачество чем-то достойным и, будучи в определённой мере флегматиком, предпочитал по возможности действовать не спеша и согласно ранее разработанному плану.

– Так, где, говорите, мне найти ту женщину? – поинтересовался он у стражей, быстро окинув профессиональным взглядом их тёплые зипуны, явно пошитые под кафтаны холмгарорских армейцев, которые здесь, ближе к Сыктывкару, зачастую называли на московский манер «новгородцами», подбитые железными пластинами сапоги и меховые треухи с синим суконным верхом.

– Тык, в кабаке она, небось. «У Ярофея». Если, конечно, кто уже опять на сеновал не утащил! – ответили ему, и некоторые из мужиков заухмылялись, с явным превосходством поглядывая на гостя, судя по всему, углядев определённое сходство с обсуждаемой особой.

Впрочем, Михаилу на эти взгляды было как-то по барабану. Кивнув в знак благодарности, он просто спрыгнул со стены и зашагал по центральной улице, без особого интереса поглядывая по сторонам. Чародей уже привык к тому, что любовные похождения Марфы вызывали у посадских мужиков подобную реакцию. Мол, вона мы какие в нашем Запердольске удалые да неотразимые! Даже пришлые чародейки и те не могут устоять перед настоящими мужиками!

В общем-то, в большинстве посадов и посмотреть было не на что. Из достопримечательностей: Храм Древа, рынок да большой дом старосты. Иногда ближе к Холмгарёру к этому списку добавлялся «Большой дом», служивший местом общинных сборов, он же был центром кучкования посадской воинской дружины. Но это только в том случае, если поселение было достаточно большим, чтобы, освободив некоторые рабочие руки, позволить себе содержать десяток-другой тренированных профессионалов вместо обычного плохо обученного ополчения.

В остальном же различались домики, далеко не всегда бывшие одноэтажными пятистенками, самобытной резьбой или даже коваными элементами. Однако после пяти-шести посещённых посадов всё это народное творчество приедалось и воспринималось просто как фон,

в то время как на первый план выходили люди, их наряды и быт. Именно эти детали и примечал Михаил, бодро шагая вдоль невысоких заборов, за которыми вовсю кипела жизнь: брехали кабысдохи, натягивая закреплённые на будках и столбах цепи, гомонила птица, разрывая лапами снег, сустились женщины и девушки, занимаясь домашними делами, дымили трубы и слышались звуки рабочего инструмента из некоторых хозяйственных построек.

Естественно, что новый человек, появившийся в таком вот замкнутом социуме, да ещё в зимнюю пору, вызывал у аборигенов определённый интерес. Так что мужчина вполне мог рассматривать посадчан, которые сами пялились на него, не опасаясь показаться невежливым ли нарушить какие-нибудь местные неписанные правила. Глаза аборигенов были узкими, чуть раскосыми, *уже*, чем у тех, что проживали близ Москвы или Холмгарёра, люди имели четче выделенные скулы и острые подбородки. А вот носы их не были приплюснуты, как у жителей селений восточнее Сыктывкара. В общем-то, можно сказать, что их женщины с длинными каштановыми косами были красивы. Мужчины же, остригая волосы на голове и отпуская усы, странно подбрасывали бороду, оголяя подбородок, отчего на морозе, особенно у стариков, казалось, что с лица свисают две натуральные сосульки.

Нужный кабак, «У Ярофея», на вывеску которого хозяин расщелился и где-то добыл холмгарёрские светящиеся трубки, Михаил обнаружил в нескольких дворах от пустующей нынче рыночной площади, в этом посаде занимающей центральное место на пересечении двух больших улиц. Тёмное двухэтажное бревенчатое здание с узкими окнами и высокой покатой крышей не имело крыльца, и чародей просто толкнул крепкую дубовую дверь, входя в полутёмное прокуренное помещение.

Нельзя сказать, что питейный зал был здесь большим. Сбоку от входа располагались вешалки, на которых висело несколько зипунов, впрочем, далеко не все из малочисленных в этот час посетителей заведения спешили расстаться с верхней одеждой, многие сидели за столами, кутаясь в телогрейки и не снимая шапок. Постучав ногами по слегка обледенённой кованой решётке, установленной в полу сразу за порогом, и сбив снег, который всё же налип на сапоги, Михаил активировал глаза, внимательно осматривая помещение.

Почти сразу же в дальнем углу тоже загорелся зелёный огонёк. Мужчина, махнув подорвавшимся к нему хозяину, зашагал туда, на ходу поправляя свисающий с ремня, перекинутого через плечо, планшет с бумагами от Совета.

– Какие люди! И что же мы здесь забыли? – ехидно и чуть недовольно спросила его высокая, хорошо сложенная женщина, развалившаяся на установленном в углу промятом диванчике, на круглом столе перед которой стояло с пяток кувшинов, сильно пахнущих брагой. – Что-то я тебя, красавчик, не узнаю.

– Здравствуйте, Марфа Александровна, – Михаил чуть поклонился. – Позвольте отрекомендоваться, Михаил Иванович, серебряный ранг, капитан. Разрешите сесть?

– Новгородец? – жестом выразив своё согласие, произнесла одноглазая чародейка и, плеснув в имевшуюся на столе кружку из ближайшего кувшина, подтолкнула её к мужчине так, что затормозила та прямо перед ним, не пролив на стол ни капли.

– Сыктывкарец, – отрицательно покачал головой Михаил. – Однако прибыл из Подгорного Дворца.

– Хорошая ипокатастима, сильная, – кивнула своим мыслям его собеседница. – Есть у меня там знакомые. Ты, часом, не Ивана Вокулыча сын?

– Нет, хоть и безмерно уважаю Вокулу Потапыча, – ответил чародей, пригубив оказавшуюся ягодной бормотуху, довольно недурственную на вкус, хоть и отдающую чистым спиртом. – Ивана Алексеевича, если знаете такого.

Его собеседница на несколько мгновений задумалась, а затем неуверенно произнесла:

– Вроде бы встречались, – она сделала большой глоток. – Высокий такой, голову бреет и на горле шрам.

– Он самый.

– Ну и как батюшка поживает? – лениво произнесла женщина, глядя на семенящего к столу хозяина.

– Господа чародеи желают чего-нибудь? – льстиво поинтересовался пухлый лысеющий простец, одетый в выдавший виды костюм-двойку сыктывкарского кроя и на удивление чистый для такого заведения белоснежный передник. – Ещё «Лесной улады» или, может быть, поесть?

– Поесть, что предложите? – спросил Михаил, которому порядком осточертели индивидуальные рационы, и в каждом посаде он обязательно пробовал местную кухню, хотя поначалу брезговал.

– Поросёночек в меду с грушами готов уже. Курочку, уточку, гуська, если пожелаете, прирежем, но подождать придётся, – затараторил мужчина, видимо, и бывший тем самым Ерофеем. – Рыбка опять же свеженькая, форелька, окунёк, сомик. Только сегодня ребятки, жизнью рискуя, сети сняли. Но это дорого...

– Хрюля давай. Не охота ждать, – решил для себя Михаил и дежурно пошутил: – Ты, надеюсь, не Хрякорылом кормить нас собрался?

– Как можно! – не очень убедительно засмеялся кабатчик. – Для дорогих гостей всё самое лучшее!

– Хрякорыл вообще-то тоже на вкус ничего, – вновь пригубив чашку, пробормотала Марфа. – Уж куда вкуснее лютоволка или дикого кабана.

Прекрасно услышавшие её мужчины дружно поморщились. Причём, причиной этого для Михаила было даже не то, что данный вид монстров разумен, а в первую очередь то, что хрякорылы являлись общеизвестными людоедами. Рыхлого же и какого-то домашнего хозяина заведения, похоже, покорило в первую очередь сам факт того, что можно есть чудовищ и, более того, сравнивать их на вкус с молочным поросёнком, приготовленным на его кухне.

– Сию минуту исполним! – поклонился толстяк и, всё так же семеня, побежал в сторону стойки.

– И бурду свою ещё принеси! – гаркнула ему вслед женщина, выливая остатки из кувшина в чашку. – Так как там Иван Алексеевич?

– К моему сожалению... – ответил ей чародей, вновь глотнув «Лесной улады». – Ещё прошлым летом во время столкновения с мурманскими приложило водной плетью в спину. Чародей был сильным, из Карбазовых, так что рассекло напополам, а защититься он не успел. Так что там без шансов. После боя ядро даже извлечь не смогли. Умер мгновенно, там и похоронили.

– М-да, мои искренние. С Карбазовыми всегда аккуратным нужно быть, – пробормотала Марфа, а затем мечтательно добавила: – Хотя, помню, поймала я одного близь Черновцов, опоила зельями и затрахала до смерти. Его, естественно. Ух, какой мужик был!

– Кхем... – бражка пошла не в то горло, стоило мужчине только представить, что какая-либо женщина вообще способна на нечто подобное.

Пусть после смерти отца у него к Карбазовым как к клану и была личная месть, однако он не мог не посочувствовать этому герою-страдальцу. Принесли еду и выпивку, и разговор на какое-то время угас, покуда Марфа Александровна, задумчиво крутившая свою чашку пальцами, не спросила:

– А наши мурманские что?

– Да ничего, – ответил Михаил, наслаждаясь необычным грушево-медовым вкусом сочного мяса. – Они не при делах и ссориться с беловолосыми им не с руки. Да и вообще, в последнее время между нашими ипокатастами слишком много противоречий, чтобы они в месть добровольно вписывались.

– Ладно! – стукнула кружкой по столу женщина. – Вряд ли ты искал меня и пришёл сюда, чтобы поговорить об обиде на мурманчан. Выкладывай, Иван, чего теперь от меня старые маразматика требуют?

– Действительно, – кивнул чародей. – Я искал вас, чтобы сообщить о порученной вам Советом Старейшин миссии...

– Работа – это всегда плохо! – перебив собеседника, разочарованно простонала Марфа Александровна.

– Это забавно звучит, но она тоже частично связана с Карбазовыми, – усмехнулся мужчина. – Вы отправляетесь в Москву...

– Так, погоди! Не гони, мальчик, – вновь оборвала его чародейка. – Во-первых я ещё ничего не решила...

Над посадом вновь пронёсся тяжёлый, морозящий душу стонущий рёв-скрип обитающего в соседней роще чудовища. Посетители кабака заметно заволновались, исподволь поглядывая на стол, за которым сидели зелёноглазые, а губы Марфы расплылись в очень нехорошей улыбке, когда она продолжила говорить.

– И не смотри на меня так! Старичьё уже задрало меня своими «миссиями»!

– Вы же понимаете, что будет, если вы откажитесь? – как можно спокойнее спросил мужчина.

– Да ничего не будет, – отмахнулась собеседница. – Кишка у них тонка, меня в отступницы записать. Иначе сделали бы это ещё лет семь назад. Из-за них пострадала моя семья, и каждый из этих старпёров торчит мне нехилый долг за того аватара! Они знают об этом, как знают и то, что я всё равно выживу и приду за ними. А все их угрозы – это так, мишура. Надо же им вам, молодым, пыль в глаза попускать. К тому же у меня ещё здесь незаконченное дело.

– Верлиока? – не желая дискутировать на тему Старейшин, спросил Михаил.

– Он самый родимый, слышишь, как орёт?

– И что...

– Битое стекло вокруг его гнезда разбросала, – ухмыльнулась чародейка.

Мужчина понимающе кивнул. Верлиоки – чудовища, похожие на гигантских заросших волосами людей, – питаются человечиною, их привлекают поселения как источник пищи, а также, как бы странно это ни звучало, им интересен человеческий быт. Будучи в третьем колене потомками одержимых духами жизни и дерева, следуя своей извращённой логике, эти монстры считают несправедливой одинокую жизнь в глуши и тянутся к человеческому жилью. Подражая людям, они строят себе убогие хижины в ближайшем лесу, после чего их поведение меняется, и они начинают яростно нападать на посельчан, вторгнувшихся на их территорию.

Поймав же женщину, независимо от возраста, тащат её к себе в гнездо, после чего используют для размножения, гарантированно ломая и разрывая бедняжку своим мужским агрегатом огромного размера. Их трупы чудовища не съедают, а долгое время носят в огромных плетёных корзинах на спине, а когда те в достаточной мере раздуются и протухнут, из их семени рождаются монстры, называемые «лесавки». Только после их появления верлиока пожирает раздувшиеся и гниющие тела, и своих не успевших сбежать потомков. Если же пищи, то есть идиотов, прущихся в лес, где живёт верлиока, много, он может выбросить содержимое корзины, и тогда через какое-то время заражённые его живицей изуродованные трупы восстанут, превратившись в нежить. Так называемых «мавок», относительно безвредных созданий, «отворённых» (то есть живущих с разодранной промежностью), которые будут бродить по округе и искать любого, кому можно пожаловаться на свою болезненную и тяжёлую смерть.

Пусть и выглядит верлиока как огромный уродливый горбун, тело его частично состоит не из плоти, а древесины. Зачастую это нога, и потому чудовище хромает, или сучковатый фаллос, которым, собственно, он и насилует своих жертв. Прожив достаточно и породив множество лесавок, монстр темнеет кожей, в результате становящейся чёрной. Таких именуют «чёр-

ная шкура», и опасны они в первую очередь тем, что перестают чувствовать боль от своей деревянной конечности и становятся не просто сильными и быстрыми, но так же неуязвимыми для обычного не напитанного живицей железного и стального оружия.

Однако у всех верлиок есть одна уязвимость. Почему-то обычное стекло, ранив, ослабляет их, и плоть, даже деревянная, начинает гнить взрывными темпами. Данный феномен особо не изучен, вследствие относительной редкости этого монстра, однако достаточно известен тем чародеям, которые целенаправленно охотятся на чудовищ.

– Слышишь, как орёт? – ехидно произнесла Марфа, продолжая улыбаться. – Больно ему, а понять от чего не может.

– Когда вы за ним пойдёте? – довольно холодно спросил Михаил, продолжая уплетать нежную поросятину.

– Ну, коли уж ты припёрся, – фыркнула женщина, – сейчас и пойду. Не хрен тянуть. Дожирай своего хрякорыла. Будешь меня сопровождать!

– Хрякорыла? – чуть побледнев, произнёс мужчина, недоверчиво глядя в тарелку.

– Ну а ты думал! Ты хоть поросёнка-то раз в жизни видел? Откуда им тут взяться? Да и когда их вообще подавали не целиком, а кусками? – захохотала Марфа, глядя, как собеседник в омерзении оттолкнул от себя недоеденное блюдо и сейчас активно противостоял рвотным порывам. – Шучу, малахольный! Шутка это такая... смешная!

– Вы ужасны, как о вас и говорили, – пробормотал Михаил, успокаивая желудок порцией браги и всё же с подозрением посматривая на отодвинутую тарелку.

– Да, я такая, – усмехнулась одноглазая, вставая. – Коли жрать больше не хочешь – пойдём.

Вместе чародеи дошли до частокола с южной стороны посада и, перепрыгнув через него, быстро углубились в рошу, где обитало жуткое чудовище. Найти его особых проблем не составило, двигались в основном в сторону то и дело раздающихся воплей, буквально сотрясающих воздух и вызывающих звуковыми ударами дрожь во всём теле. Впрочем, спутница и так знала, куда идти, а потому мужчина особо над вопросами поиска монстра не задумывался.

– Как будем нападать? – окончательно придя в себя от ощущения надвигающейся угрозы и обнажая меч поинтересовался Михаил.

– Кто сказал, что «мы» что-то будем делать? – усмехнувшись, ответила женщина. – Ты, мальчик, здесь чисто для компании, так что лучше не лезь.

– Как скажете, – пожал плечами немного уязвлённый чародей, убирая клинок.

– Естественно, как я скажу, так и будет, – усмехнулась Марфа, быстро двигаясь между стволами деревьев.

Она даже не достала оружие, когда в просвете появилась поляна, в центре которой возвышался исполинский шалаш. Верлиока находился там же и очень удивился, увидев человеческую самку, которая сама взяла и пришла в его логово. С трудом встал с задницы на свои опухшие, явно гниющие ноги и даже сделал пару шагов, потрясая торчащей из промежности огромной... даже не палкой, а натуральным стволом, когда Марфа сорвалась с места и на бешеной скорости сблизилась с ним.

Удар ногой в прыжке с зелёным огненным всплеском по огромному бесформенному мешку, болтающемуся между ног верлиоки, подействовал практически так же, как и на любого другого представителя мужского пола. Монстр ходил по битому стеклу и гнил изнутри, похоже, уже далеко не первый день, так что заражение проникло довольно-таки глубоко, и чудовище в значительной мере ослабло. Пламя же Марфы было бета-стихийным и буквально выжгло как омерзительное достоинство твари, так и низ живота.

Женщина же, едва коснувшись чудовища, взлетела по спирали, минуя подмышку, почти до самой его головы и, крутанувшись, нанесла сокрушительный удар ногой по задней части шеи, отчего Верлиоку бросило вперёд так, будто он вообще ничего не весил. Полыхнула огнен-

ная вспышка – и Марфа Александровна появилась прямо перед падающим чудовищем, с ходу нанесла удар коленом прямо в переносицу его уродливой головы, поросшей шерстью и клочковатыми волосами.

Стоявший с открытым ртом Михаил только и успел заметить, как от ноги женщины сквозь голову монстра словно прошли смазанные лучи, а чародейка уже отпрыгнула в сторону и, с безразличием глядя на явно мёртвого монстра, демонстративно похлопала руками, вроде как отряхивая их. Мужчина только и мог, что помотать головой, пытаясь стряхнуть наваждение. Подобного уровня владения телом и «эго» не мог показать ни он, ни абсолютное большинство его знакомых из разных ветвей клана. И сейчас, наблюдая натуральное избиение верлюки, он, наконец-то, понял, почему именно этого человека выбрали для столь важного задания. Хотя до этого считал, что Старейшины так просто отмахнулись от московской проблемы.

– Ну, вот и всё, – произнесла чародейка, поворачиваясь к нему. – Мне надо срочно выпить. А корзину в посад несёшь ты!

– Я? – тупо спросил мужчина, хлопая глазами.

– Ну, естественно, ты, – удивилась вопросу Марфа Александровна. – Не просто так же я тебя с собой взяла! Тела надо срочно придать очистительному огню в храме, пока из них не выпулились лесавки.

– Я думал... но вы сказали, что просто за компанию! – возмутился Михаил.

– Тем более! Выполняй свою часть работы.

Вернувшись в поселение и отдав скорбный груз посадскому жрецу, чародей с частогола знаками подал на вездезд сигнал, что задерживается, а затем присоединился к Марфе в кабаке. После всего увиденного ему тоже следовало выпить, да и не торопился он особо вернуться в опостылевшую консервную банку.

Часов пять спустя с алкогольным шумом в голове Михаил с некоторым удивлением обнаружил себя голым в каком-то из домов, яростно совокупляющимся со стонущей и извивающейся под ним чародейкой. Ранее ему казалось, что он не сможет даже прикоснуться к женщине, у которой уже до него было какое-то бесчисленное количество мужчин. Да и возраст её казался непреодолимой преградой.

Однако сейчас он получал и доставлял удовольствие и останавливаться вовсе не желал. Утром же долго думал и вспоминал, как же так получилось... Однако в результате пришёл к выводу, что это не его, опоив, соблазнили, а он сам, приняв на грудь, начал приставать к Марфе Александровне, которая, в общем-то, до сих пор была очень даже ничего, и пусть у женщины не было одного глаза, а лицо пересекали шрамы, это даже придавало ей определённый шарм... Хотя, если бы не коварная бражка, он точно смог бы удержать себя в руках.

– Не боишься, что я теперь рожу тебе маленького чародейчика? – мурлыкая, спросила его тоже проснувшаяся Марфа, любовно поглаживая его снизу и поигрывая ловкими пальчиками, отчего он уже снова был готов наброситься на неё.

– Не особо, – ответил мужчина, затем рывком завалил лежавшую на его плече женщину на спину.

Когда же спустя час они успокоились, казалось, полностью удовлетворённая чародейка спросила:

– Ты говорил, что моя миссия будет в Москве? – натурально мяукнув, что почему-то сейчас не казалось ненормальным для её возраста, Марфа скинула одеяло и оседлала расслабленно лежавшего Михаила.

– Да, – лениво ответил он.

– Так кого же старые маразматика хотят, чтобы я убила на этот раз?

– Вот, – не сразу поняв, о чем она спросила, мужчина, не глядя, одной рукой достал из висящего рядом с его половиной кровати планшета фотографию и протянул, впрочем, Марфа

просто откинула карточку на простыню, впившись поцелуем в его губы и опять насаживаясь на вновь готовое к работе достоинство.

Именно в этот момент Михаил осознал, что объяснить этой женщине детали предстоящей миссии будет очень нелёгким делом. Тем более что, похоже, именно ему придётся очень постараться, дабы привести ее в рабочее состояние. То бишь утомить по полной программе.

И оставалось только надеяться, что он не повторит судьбу безвестного Карбазова, погибшего, по её словам, от похожих процедур. Впрочем, всегда оставалась вероятность, что товарищи, ожидавшие в паровике, придут и спасут его! Однако на данный момент Михаилу этого не так уж и хотелось.

Глава 1

Несколько прямых заставили врытое в землю бревно зашататься, сорвав кору и оставив глубокие, обожжённые вмятины в древесине. От мощного бокового коленом ствол хрустнул, а локоть, прилетевший с противоположенной стороны, практически сломал его. Так что удар ноги с проворотом оторвал-таки кусок созданного живицей дерева, отправив его в полёт. А в следующий момент по нему ударил зелёный огненный протуберанец... тут же рассыпавшийся безвредными брызгами, даже не опалившими злосчастный обломок.

– Да твою ж мать! – добавив к этому несколько крепких выражений, выругался я, припав на колено и растирая рукой отбитую берцовую кость.

Как бы я ни старался, прогресс в последнее время, казалось, полностью отсутствовал. Даже хуже, со дня смерти Мистериона я словно сдал, сделав шаг назад и на сегодняшний день вновь проигрывал тому же Громову четыре тренировочных боя из пяти, редко когда побеждая, чаще сводя дело к ничьей. Так что, парень, которого я до этого вроде как догнал, опять начал терять интерес к нашим регулярным спаррингам.

Была у Никиты такая неприятная черта, не просто гнаться за силой, но ещё и поплёвывать свысока на тех, кого он оставлял позади. Даже если ты находился с ним в приятельских отношениях, собственно, думаю, что именно по этой причине друзей как таковых у Громова вообще не имелось. При необходимости он всегда готов был помочь, если, конечно, дело выглядело не особо обременительным, ну, или, как при инциденте на выставке, надо было набить кому-нибудь морду.

Но вот в плане тренировок он был натуральным эгоистом и вовсе не в том смысле, что как чародей сосредотачивался на использовании собственного «эго». Работать он был готов только для себя и на себя, совершенно не заботясь о чужой выгоде. Так что в тех же спаррингах предпочитал сильных или хотя бы равных противников, благо выбор в Академии был широким, а вот возиться с той же Хельгой, хоть она и числилась его двоюродной сестрой, считал пустой тратой времени.

Тяжело вздохнув, я взмахнул рукой, пуская по земле под ногами волну зелёного пламени, практически мгновенно растопившего и испарившего снег, осушив и нагрев утрамбованную землю полигона, и, сел скрестив ноги, глубоко вздохнув и закрыв глаза. Впрочем, даже успокоив и выровняв дыхание, войти в состояние медитации быстро не смог. В голове продолжали крутиться мысли, постоянно возвращаясь то к проблемам, то к давней исповеди Ольги Васильевны, случившейся возле моей кровати в госпитале, то к могучему старику с зелёными глазами, жёстко и безжалостно расправившемуся с моим наставником.

В общем-то, о том, что с ним в итоге случилось, я также узнал от опекуны, ей же об этом рассказали «чужие» Бажовы, которые, собственно, и вынесли как бессознательного меня, так и тело Мистериона, из канализации. Созданная мною «Вспышка зелёной вишни», или как сокращённо по-ниппонски назывались эти странные, зачастую работающие без печатей, на эмоциях и чистом контроле чары «Мисахика», качественно разворотила правое бедро мужчины.

От неожиданности и боли он сбросил меня, а так как были выбиты плечевые суставы и руки просто-напросто не работали, я вновь приложился многострадальной головой о камни пола тоннеля и сразу же отрубился. В общем-то, этот человек, фактически лидер группы недобровольных и совершивших предательство, закончившееся в итоге резнёй Бажовых, случившейся чуть более тридцати лет назад, и так уже был обречён. Впрочем, даже раненный отступник, будучи очень даже неслабым чародеем, смог убить троих нападающих и ранить ещё нескольких.

Касательно же предателей и того, что произошло три десятка лет назад, ситуация хоть и прояснилась, но всё равно оставалась довольно мутной, в первую очередь потому, что многого

«чужие» Бажовы Ольге Васильевне просто не рассказали. Всё-же она была не одной из нашего клана, а Ланской, хотя и заботилась обо мне. Потому особо откровенничать о бажовском грязном бельё гости не желали и поделились общими фактами.

Собственно, сведения были получены от ещё одного отступника-квартирона, нынче носившего фамилию Качарин, которого я знал как отца владельца трактира, в котором часто столовался в свою бытность в Нахаловке. Мужик постоянно подсаживался ко мне и капал на мозги, портя аппетит, а я даже не догадывался о его настоящей личности. Мало ли людей с тёмно-зелёными, почти болотного цвета глазами, да и о Бажовых и об их судьбе я тогда ничего не знал. Так что терпел, не желая ссориться с хозяевами, и слушал его нотации о том, как надо жить, а также байки про чародеев и кудесников, воспринимая эти пространные монологи как неизбежное зло, порождённое старческой придурью и желанием поучить молодых уму-разуму.

Его и обнаружили-то, по сути, практически случайно. Будучи клановым кудесником, мужчина хоть и содержал несколько питейных заведений, любимого дела, оказывается, не бросал. Вот по созданным им поделкам на него и вышли «чужие» Бажовы, очень заинтересовавшиеся, кто это торгует новенькими, недавно созданными артефактами, имеющими характерные клановые особенности. Ну не полукровка же первокурсник, обращённая посадская девушка, недавно получившая ядро, или примкнувшая к ним позже бывшая рабыня, – новость об обнаружении которых вкупе с возрождением клана Бажовых дошла до Новгорода, вследствие чего в Москву и нагрянули гости, официально приехавшие по торговым делам.

Вначале они за ним просто следили, ну а затем, когда всё закрутилось, а я активно готовился рвать когти за «Игнисом», аккуратно взяли старого Качарина и выяснили много всего интересного. После чего казнили таким же способом, как и его подельника там, в канализации.

И да, люди, которых я встретил в канализации, были действительно представителями ветви моего клана, отправившейся в своё время в свободный полёт и осевшей в Холмгарёре. Примерно как и Бажовы-Всеволодовичи, чьё подземное убежище я нашёл, первыми ринувшиеся в позапрошлом веке «покорять» Москву, правда, в результате сгинувшие под ней в катакомбах.

Да и вообще, Бажовы, они, конечно, Бажовы, да только на самом деле Бажовы-Александровичи, в Новгороде известные именно как клан Александровых, никак не ассоциируемый холмгарёдцами с «Зеленоглазыми бестиями», как прозвали в Москве именно моих предков. Как Уткины, разошедшиеся в своё время с Селезнёвыми, – просто очень, очень дальние родственники. Реальное же положение дел держится от чужаков в секрете.

Как оказалось, у меня клан вообще уникальный, и пусть некому о нём нормально рассказать, зато после ухода Новгородцев, предки оставили кое-какую литературу, так что, валяясь в госпитале, я успел досконально с ней ознакомиться. Выводы же по прочтении показались мне ну очень неоднозначными.

С одной стороны, клан у меня, оказывается, как бы есть, и народу в нём множество, я бы даже сказал, что их куда больше, нежели об этом ныне известно! А с другой стороны, это ничего не поменяло, и, по сути, в «моём» клане так и оставалась одна Алёнка, а после последнего инцидента и некоторой прочистки мозгов в побочную ветвь влилась-таки Елизавета с детьми. Кстати, малолетний Юрик в полном согласии с тем, что рассказала мне Хельга в школьной столовой, резко стал ярым патриотом клана и вообще фанатом Бажовых, откровенно кривясь, когда ему кто-то напоминал о золотниковских корнях и его характерной внешности. Ну и, да, не стоит забывать о двух вассалах, которые вроде как не в клане, а пока около него и «вассалют» мне потихоньку в первую очередь тем, что особо не путаются под ногами, хорошо учатся и серьёзно относятся к тренировкам.

А всё потому, что когда-то данным давно, ещё задолго до образования Новой Москвы Тимирязевым, в отличие от представителей многих других зарождающихся чародейских общин, мои предки вели кочевой образ жизни. Пока где-то возле Уральских гор не слились

с ещё одним племенем с большим количеством одарённых и не стали, наконец, именно Бажовыми. Тогда же было образовано их первое постоянное поселение, скрытое где-то в глубине сети пещер горы Ослянка. Впрочем, некоторые кочевые традиции так и остались, в частности, разделение племени, когда людей в нём становилось чересчур много, чтобы без проблем прокормить все голодные рты, ведь помимо ограниченности ресурсов остро вставала проблема с духами, монстрами и чудовищами, привлекаемыми большим скоплением чародеев.

Так и появилась традиция отпускать часть людей из побочных ветвей со своим выбранным лидером на поиски лучшей жизни. Они брали к своей фамилии прибавку-отчество по имени нового главы и, по сути, переставали быть настоящей ветвью Бажовых, становясь «ипокатастимой», малым независимым кланом в составе большого, поддерживая плотный контакт с остающимися родичами и через одного из своих Старейшин, делегированного в Изначальное Селение, участвуя в общей жизни.

Кстати, именно такое вот «Зелёное Пламя», как у меня, и цвет глаз – ничто иное как прямой признак близости к главной ветви правителей Изначального Селения. У других древних ипокатастим его цвет мог отличаться, разделялась же сама суть «эго» и способные видеть в темноте светящиеся глаза. Шли они чаще всего на юг, север и восток, что было как-то связано с зарождающейся религией Древа, на западном же направлении, где солнце садится за горизонт, и откуда пришли их предки, до определённого времени стояло табу!

Как я понял, в какой-то момент случился то ли сильный голод, то ли ещё что-то, но примерно во времена «Великого Жора», уничтожившего Константинополь, было сделано какое-то «Великое пророчество», следуя которому тогдашний Глава Клана поднял главную зеленоглазую ветвь и, оставив Изначальное Селение Совету Старейшин и немногим, не пожелавшим уходить, направил свои стопы именно на запад, в сторону, которую указал пророк.

Прошло несколько веков, сгинул старый Совет Старейшин, потерялись или исчезли ушедшие ранее ипокатастимы, а зеленоглазые всё бродили по свету, выполняя то самое пророчество. От руин Эпохи Сказок к заброшенным подземельям Эпохи Легенд, выискивая нечто ведомое одному только Главе, знание о чём он передавал исключительно своему наследнику. Тогда ли был найден тот самый «Игнис» или его забрали из Изначального Селения – неизвестно. В книге «Codex: Qui sumus est», которую Новгородцы оставили Ольге Васильевне, а та передала мне, была лишь сказка про «Хозяйку подгорных чертогов». Зато говорилось, что все нынешние зеленоглазые Бажовы, где бы они сейчас ни жили, – это потомки «новых ипокатастим» выделившихся из странствующего клана. Неизвестно так же, почему в один прекрасный день безрезультатные поиски неизвестно чего, ставшие смыслом жизни членов Главной Ветви, вдруг прекратились, а ветвь осела где-то возле уже образованного полиса Москва, построив новый посад.

Клан продолжал расти и дробиться, организовал Совет Старейшин во вновь найденном месте, которое предположительно было легендарным Изначальным Селением, а затем, уже в этом веке, последний передо мной глава Бажовых принял судьбоносное решение влиться в Московский Полис. Клан к этому моменту в очередной раз уменьшился, ушло раз несколько ветвей, так что осталось всего две, а учитывая падение рождаемости и многочисленные потери, мои родственники не могли более оставаться тем стволом, от которого будут рождаться всё новые и новые ветви. Так что решение самим стать московской ипокатастимой, по мнению авторов кодекса, было совершенно оправданным шагом. Тем более что это не Бажовы пришли в Полис с протянутой рукой, а сами Князья и Княгини долгое время просили их присоединиться.

Заканчивалась же общая часть не такой уж и толстой книги, явно написанной как справочно-историческая брошюра для подрастающих поколений новгородских зеленоглазых подростков, тем, что в один день московская ипокатастима, бывшая главная, просто исчезла. С ними безрезультатно пытались связаться, но какая-либо информация о них из Москвы просто не поступала, попытки же расследования не дали никаких результатов.

Далее шла информация пропагандистского толка на тему новгородской ипокатастимы, которую я прочитал в основном ради интереса. О том, какие холмгарёрские Бажовы-Александровичи сильные и хорошие, а также о том, что именно их Главная Ветвь должна занять освободившееся после исчезновения москвичей место в общей иерархии всех Бажовых. Их молодой лидер, книга датировалась позапрошлым годом, естественно, лучший правитель из возможных. И уже сейчас фактически выполняет роль Главы всего общего клана, так «доколе ещё нам, холмгарёрцам, терпеть подобную ситуацию?!»

Далее в пространных измышлениях автор обосновывал эти притязания на власть над остальными новгородскими Бажовыми и простыми запоминающимися лозунгами вбивал в головы читателей одну простую мысль: мы лучшие! А также сокрушался, что пошёл уже четвёртый десяток лет, а Совет Старейшин всё никак не может определиться с выбором достойнейшего и сделать единственный верный вывод в пользу холмгарёрцев.

В общем, если смотреть на новгородскую книжонку «Codex: Qui sumus est» непредвзято, можно было догадаться, почему, узнав о возрождении в Москве клана Бажовых, а ещё точнее, обо мне, Бажовы-Александровичи рванули сюда со всех ног довольно крупной торгово-боевой группой. И почему Ольга Васильевна, с которой, пытаюсь найти меня, связались перехваченные кланом Ланских зеленоглазые, резко пресекла любые мои возможные контакты с ними, обменявшись сообщениями с представителем их главы. За что, собственно, и пыталась извиниться, из-за нервов выбрав не самое подходящее время.

У меня никаких моральных сил не было не то, что озлиться, а даже обидеться на неё в тот момент. А затем я отошёл, прочитал книгу и сам осознал всю ситуацию: всё-таки я был не совсем дураком, как то утверждал старик-предатель.

Я был нужен новгородцам как потерянный Осколок старшей семьи главной ветви. Статус, который подтвердил убивший Мистериона отступник. Потому как таковы традиции общности всего клана. Но вот в роли признанного, пусть даже чужаками в Москве, Главы Клана уже представлял определённую опасность для их лидера. А в благородство незнакомых людей в нашем мире верят разве что идиоты.

В конце-то концов, даже если меня не стали бы убивать напрямую! Ну право слово, мы же чародеи, и уж подстроить ситуацию, при которой я останусь жив, но согласно неизвестным мне традициям не смогу претендовать на своё наследие, не так уж и трудно. А проверить что-то подобное, если перед тобой доверчивый человек, вообще раз плюнуть!

Сейчас, почти три месяца спустя, когда прошёл весь декабрь, январь и заканчивался февраль, я куда чётче, чем в те дни, осознавал нависшую тогда надо мной угрозу. Нет, мне не капала на мозги опекуна. У меня просто было время хорошо всё обдумать и оценить варианты. Однако, лёжа на госпитальной койке, я уже сам пришёл к определённым выводам и не винил ни в чём Ольгу Васильевну, наоборот, даже проникся к ней ещё большим уважением.

Но вот она тогда, видимо, видя не самое разумное поведение, которое я демонстрировал в те две недели, явно боялась неадекватной реакции. Да и, что уж там говорить, за несколько дней до этого я действительно мог вспылить. Вот только не из-за того, что мне не дали пообщаться с внезапно проклюнувшимися Бажовыми, а из-за того, что она решила всё сама, не то что не посоветовавшись, а даже не поставив меня в известность. Хоть тут был замкнутый круг, и со своего небоскрёба Ольга явно опасалась, что я, внезапно воспылав родственными чувствами, мог наплевать на голос разума, как поступил в вопросе с «Игнисом», и сам отправиться к ним.

Всё-таки эта долбаная артефактная печать, поставленная, как оказалось, попытавшимся похитить меня стариком Божиевым, элементы которой рассчитал и создал другой экс-Бажов Качарин, натворила дел, резонируя с ядрами Бажовых. Елизавета находилась в перманентной и углубляющейся тихой истерике.

Пусть Ольга Васильевна и считала, что основные проблемы были именно у меня (из-за особой чувствительности, вызванной своеобразной «антенной», как она это назвала по при-

меру теле и радиотехники, в виде материализованной и кристаллизованной души на груди). Но на самом деле хуже всего пришлось моей новой подопечной из-за деградировавшего за долгие тридцать лет простоя ядра, покрывшегося мягкой псевдо-оболочкой.

Эффекту, фактически противоположному той патологии, которая раньше была у меня. Когда общая оболочка, образовавшаяся после рождения вокруг моих противоборствующих ядер, за пятнадцать лет зарубцевалась и уплотнилась, почти не пропуская даже ту живицу, которая всё же могла быть использована, а не самоуничтожалась в противоборстве Ледяной Воды Карбазовых и Зелёного Пламени Бажовых.

Легче всего печать перенесли мелкие, особенно Юрик со Славиком, потому как были ещё очень маленькими, и природа энергетики одарённых сама защищала детей от подобных воздействий. Алёна же и Катя постоянно пребывали в депрессии, будто находились под психологическим давлением. Причём последней было полегче, опять же сказывался возраст, а вот бывшая посадская девушка, заполучившая чуть ли не одномоментно взрослое ядро, просто не понимала, что с ней происходит, слава Древу, умная девочка догадалась в итоге пожаловаться Ольге Васильевне.

Ну и, конечно, я, глава всего этого дома сирых и убогих! Заиклившись на «Игнису» и регулярно впадая в едва сдерживаемую ярость, вообще ничего не замечал вокруг. Особенно того, что происходило с якобы моим кланом. Даже любовью с Алёной не занимался, почти забросив её и усугубляя и без того не лучшее состояние девушки.

Как результат, после госпитализации пришлось отрабатывать за все пропущенные дни. Впрочем, тут грех жаловаться, потому как занятие это было приятным, да и довольное личико девушки, значительно посветлевшее, с тех пор как я в первый раз увидел её, очнувшись в госпитале, тоже стало достаточной наградой.

К сожалению, подобная постельная терапия была совершенно неприемлема для других Бажовых. Особенно хреновая ситуация складывалась с Елизаветой. Женщина была откровенно потеряна и совершенно не знала, что ей дальше делать и как жить. Всё чаще и дольше она засиживалась на кухне со стаканом остывшего чая в руках, глядя неживым взглядом в окно и словно пребывая в другом мире, только Катенька или маленький требовательный Славик могли её хоть как-то расшевелить.

А вся проблема состояла в том, что память её была фактически исковеркана, перепажана, разровнена и вновь вскопана, так что большая часть воспоминаний вообще находилась под большим вопросом. Она даже в личности своей сейчас не была уверена, тем более что по ночам после воздействия печати её начали посещать повторяющиеся сны о рабском прошлом. Но вовсе не о том, которое она помнил.

В них Елизавета, выращенная женщинами клана Золотниковых, не была какой-то там простой рабыней! Она являлась высококлассной, хорошо обученной куртизанкой клана, которую иногда не гнушался посещать сам Глава, а также виднейшие из мужчин-старейшин! И была очень даже довольна своей жизнью, вовсе не заперта в четырёх стенах, имея возможность покидать небоскрёб! Правда, особых дел за его пределами у неё не находилось.

Днями напролёт другая она предавалась блаженному безделью, неге и развлечениям. Когда же случались праздники и приёмы, женщина участвовала в них в роли красивой куклы в шикарных нарядах, разнося напитки и раздавая улыбки богатым мужчинам в дорогих костюмах. Однако чаще всего танцевала и пела, играла на арфе, развлекая почтенную и высокопоставленную публику, собравшуюся в огромном роскошном банкетном зале.

А после подобных выступлений к ней в будуар приводили кого-нибудь из особо почётных гостей, и она развлекала его разговорами за искристым вином с «особенными» добавками и полунагими танцами, плавно переходящими в затейливые любовные игры. Заодно женщина тщательно запоминала всё, о чём они говорили в постели, а затем пересказывала особому человеку из Золотниковых, имени которого не знала.

Той Елизавете из снов нравилось заниматься сексом с разными мужчинами. Несколько раз ей приказывали перестать принимать специальный эликсир, препятствующий беременности, заменив его другим зельем, повышающим шансы успешного зачатия, и родить ребёнка от выбранного для этого гостя. Однажды таковым оказался даже сам Глава клана, что для её текущего статуса значило очень и очень много.

Что же до детей, ей до них не было ровным счётом никакого дела. И вовсе не потому, что Елизавета была бесчувственной особой или просто плохой женщиной. Просто с самого детства специалисты Золотниковых растили, воспитывали и учили её именно как элитную куртизанку, у которой просто не может быть каких-то там радостей материнства. Единственной её задачей, помимо выполнения основных обязанностей, было, когда на то укажут евгеники, зачать, выносить и родить, что воспринималось как неизбежное зло и определённая плата за роскошную жизнь. Что же дальше делать с получившимися младенцами, она даже не представляла, тем более что из-за специальных настоек у той Елизаветы никогда не было грудного молока, и её бюст всегда сохранял идеальную форму.

Пересказывая эти сны, женщина, по словам Ольги Васильевны (потому как меня как мужчину просто не пригласили), откровенно рыдала. У реальной Бажовой, оказывается, тоже не было молока, так что поначалу к Славику приставили кормилицу, а уже здесь, у нас, моя опекунша принесла Маргарите Васильевне рецепт какой-то хитрой и очень полезной для детей его возраста смеси, которой и кормили мальчика.

Главным же тёмным пятном в жизни той Елизаветы, приходящей к настоящей в снах, был регулярно посещавший её дортуар полный мужчина старше среднего возраста, которого она звала как Надворного Советника Золотникова Виталия Юриевича. Хотя вне небоскрёба он носил свою старую фамилию Окин, скрывая от Княжеского Стола принадлежность к чародейскому клану, дабы не потерять свой высокий пост. Он неизменно вызывал у женщины стойкое отвращение, был груб и жесток в постели, каждый раз она теряла сознание, а когда приходила в себя, его уже не был в спальне, но ещё несколько дней она чувствовала себя усталой и разбитой.

В общем-то, информация об Окине так же подтверждалась допросами предателя Качарина. Когда-то этот человек носил имя Семёна Павловича Бажова, и он, как и трактирщик, вследствие ошибки юности его матери, не прислушавшейся к клановому евгенику и нашедшей недолгую и несчастливую любовь с бесклановым чародеем со стороны, был очень слабым одарённым. Обладателем вторичного аспекта, суть которого никому не была известна, но он считался практически простецом. Какое-то время будущий Окин тоже учился на кудесника, вследствие чего и сошёлся со своим будущим подельником, Качариным, однако стезя артефактора его никогда не прельщала.

Семён Бажов желал известности, богатства и власти, его привлекала стезя политика, так что молодого мужчину совершенно не устраивало его положение в нашем клане. Тем более что пусть наверх ему был перекрыт не только и не столько в связи с отсутствием каких-то сил, но и из-за дурного характера и того факта, что как-то проявлять себя и работать на благо клана будущий Окин совершенно не желал.

Именно его Качарин называл главным манипулятором, а также идейным вдохновителем и автором плана по низвержению Бажовых. Который появился и оформился, когда Окин сильно сдружился с таким же амбициозным, как и он сам, но к тому же очень сильным чародеем Всеволодом Бажовым, основная беда которого состояла в том, что он родился в одной из младших семей побочной ветви. А потому в своём пути наверх вынужден был сталкиваться с множеством конкурентов, в том числе и куда более сильных, происходящих из главной ветви клана.

К тому же уже бывший Надворный Советник Окин оказался единственным из переживших последние тридцать лет предателей, которого не смогли покарать новгородцы. Словно дикий зверь, почувствовав опасность, он укрылся от мести Бажовых в небоскрёбе Золотнико-

вых. А когда, узнав с подачи Ланских подноготную этого человека, Княжеский Стол потребовал от этого клана его выдачи как преступника, оказалось, что он опять умудрился удрать, на этот раз на локомотиве Перевозчиков, давно ушедшем в Киев, с планами отправиться затем во Львов, а следом в Варшаву. Что, впрочем, не значило, что холмгарёры не будут искать отступника и там.

Основной же проблемой, из-за которой мы просто-напросто не могли с ходу помочь Елизавете с её бедой, было то, что трудности с её памятью оказались связаны не с чарами, алхимией или даже «эго» ментальной направленности, которые можно было бы постараться преодолеть без особого ущерба для женщины. Ольга Васильевна, тщательно обследовав её, диагностировала длительное, проводимое более двух лет, регулярное воздействие гипнозом. С помощью которого формировались не только поддельные воспоминания в голове женщины, но и, похоже, новая личность, которая, однажды проснувшись, выполняла заранее заложенные гипнотизёром установки. Что делало Елизавету чрезвычайно опасной для окружающих.

Гипноз – это, можно сказать, уникальная техника, поскольку доступна она даже простецам, однако оказывает очень грубое воздействие на сознание человека. Работу менталиста можно было бы сравнить с кисточкой мастера, превращающего холст в картину. Специализированные и далеко не всегда разрешённые чары – с молотком и зубилом, высекающими скульптуру их куска мрамора, а алхимические средства – с мастерком и шпателем, фигурно наносящими штукатурку на стену. А вот гипноз был паровым трактором, разравнивающим поле, чтобы потом своим ковшом в одном месте вырыть ямы, а в другом насыпать горки. Причём получившийся ландшафт вполне мог быть очень даже сложным и затейливым, но как ни ровный горы грязи, ему никогда не сравниться с настоящими произведениями искусства, в то время как сопутствующий ущерб для местности колоссален.

Ольга Васильевна знала, о чём говорит! Она сама владела этой техникой, я же не далее, как год назад, мог в полной мере прочувствовать на себе жутковатую подчиняющую силу такого воздействия. Впрочем, я быстро сбрасывал с себя нанесённые установки, но это были разовые и очень кратковременные сеансы, последствия от которых никак не могли закрепиться ни в сознании, ни в подсознании.

Естественно, что всё это мы узнали втайне от Елизаветы Всеволодовны. Совершенно непонятным было, оставил ли гипнотизёр какие-нибудь особые закладки, и как они среагируют на подобное разоблачение. Тем более что были все основания подозревать, что именно Окин внёс все эти изменения, а Качарин перед своей смертью на допросе Бажовых утверждал, что это очень опасный, жестокий, коварный и мстительный человек.

Сны, как и сама Елизавета, хором подтверждали тот факт, что этот человек регулярно посещал её в бытность у Золотниковых, принуждая к соитию. Так что можно было предположить, что те постоянные обмороки, о которых она упоминала, были не чем иным, как затёртыми сеансами гипноза. Тем более что плохое самочувствие после таких вторжений в сознание – вполне нормальная самозащита организма, предупреждающая человека о том, что недавно с ним происходило «что-то не то».

Правда, непонятно было, случался ли в реальности во время их встреч сам процесс соития. Он мог быть наведёнными воспоминаниями, призванными оправдать проведённое в обществе женщины время. А негативные эмоции – реакцией подсознания. Тем более что сейчас, получив от новгородцев образцы ДНК и живицы убитого в канализации отступника, мы знали, что именно этот Всеволод Бажов и был родным биологическим отцом Елизаветы. Он же, похоже, и спас её в ночь уничтожения клана, после чего то ли продал, то ли просто отдал девочку Золотниковым с какими-то условиями.

Однако самое отвратительное во всём этом оказалось то, что Славик был сыном этого же человека, не погнушавшегося взять собственную дочь. Так что Окин вполне мог и в реальности регулярно жестоко насиловать женщину, получая особое удовольствие от того, что она

дочь его лучшего друга. На это же указывало и её к нему отношение, ведь, по словам Ольги Васильевны, сильные эмоции приоткрывают сознание для гипнотизёра, однако куда разумнее навевать любовь и обожание, нежели ненависть и отвращение. Так что, похоже, мужчине было просто всё равно, и не затирал он свои визиты только ради правдоподобности, ведь Золотниковы могли бы заподозрить неладное, если бы куртизанка регулярно не помнила своего клиента. Но, вполне возможно, его просто заводило чувство беспомощности и злость Елизаветы, испытываемые ею в процессе соития.

Как вывод, к которому мы пришли: если сны женщины были о её реальном прошлом, то многое вставало на свои места. Скорее всего, резонирующая печать, вызвавшая у нас – зеленоглазых – тремор ядра, расшатала живицу Елизаветы, и непривычный, неровный ток её к мозгу как-то повлиял на установки, оставленные гипнотизёром. Плюс Ольга призналась, что, услышав про «Игнис», волнуясь за меня, использовала последовательно два особых алхимических снадобья, чтобы выяснить у Бажовой подробности, а затем затереть следы о себе в памяти. Так что есть вероятность, что зелья смешавшись, добились гипноза, и он «пополз», позволяя прошлой личности, запрятанной далеко в подсознании, начать прорываться на поверхность. В частности, в снах.

В общем-то, это объясняло многие моменты в ранней истории, рассказанной Елизаветой. Освещая вопросы о покалеченной девушке Кате, которой, судя по всему, никогда не существовало и которой Золотниковы по какой-то причине позволяли учить ребёнка клановым премудростям Бажовых. О том, почему красивая женщина была вначале презируемой рабыней, зачастую выполнявшей чёрную работу, но при этом состояла в личном гареме самого Главы клана. А затем вдруг ни с того ни с сего была отдана на поругание всем желающим, но при этом по ней совершенно нельзя было сказать, будто она привычна к тяжёлому труду или замучена жестоким отношением, что раньше вызывало определённые подозрения Ольги Васильевны. Ну и то, что её старшая дочь Катя, хоть и видно, что испытывала к ней определённую любовь, до сих пор посматривала на женщину с некоторым удивлением и неверием, а Юра, вроде как отобранный ещё во младенчестве, знал о ней и относился с презрением.

Но самое главное, это отвечало на вопрос: как она, проведшая всю сознательную жизнь в заточении, смогла вывести детей из небоскрёба, а затем ещё и добраться до нас! Трудно поверить, что бесправная рабыня способна сделать нечто подобное и остаться в живых. А довольно-таки уважаемая в клане куртизанка, которую никто не держит и которая знакома с Полисом – совсем другое дело! Никто просто не обратил внимания на то, что она делает, пока не стало слишком поздно!

Одно непонятно: как клановые евгеники позволили родиться явно незапланированному и непросчитанному ими Славику, оказавшемуся чистокровным Бажовым, пусть и плодом инбридинга! Впрочем, как я думаю, если бы у нас было больше информации, и этот факт получил бы своё объяснение.

Естественно, этими мыслями и выводами мы с Елизаветой Всеволодовной не поделились. Женщина и так была в шоке и ужасе от того, что прошлое из снов может быть её реальной жизнью, о чём она догадалась сама. А вот то, что её память подделана, объяснить пришлось, уж больно она заиклилась на том, что я непременно вот-вот умру, если каким-то чудом не завладею «Игнисом».

Так что сейчас она была в таком состоянии, что Ольга Васильевна даже приставила к ней постоянное наблюдение, небезосновательно опасаясь, что та наложит на себя руки. Тем более что, пусть Храмы Древа в последние лет сто активно не одобряют как обычные, бытовые, так и ритуальные самоубийства для одарённых, какого-либо реального табу так и не было установлено. В отличие от простецов, сводить счёты с жизнью которым было строжайше запрещено ещё при Князе Горохе из-за настоящих эпидемий массовых самоубийств в особо тяжёлые годы.

Впрочем, проблемы членов моего собственного маленького клана, хоть и были важны, но не отменяли моих собственных! И их было также немало. Начиная от того, что моих родителей, оказывается, убили, в то время как считалось, что они погибли при несчастном случае, заканчивая тем фактом, что часть сознательной жизни мною как-то манипулировала группа свихнувшихся стариков, исполняя страстное желание одного из них заполучить в свои руки таинственный артефакт старшей семьи всех Бажовых, называемый «Игнисом».

Может быть, потому что трактирщик и Надворный Советник были вполне довольны своей новой жизнью, они особо не лезли в мою, а потихоньку реализовывали свои планы, удерживая особо ретивого дружка от активных действий. В конце концов, как я понял, только «Уважаемый колбасник с Калашного ряда» так и не получил от предательства того, чего страстно желал. Один из бравой клики предателей вообще сдох во время бойни, ещё двое преставились в следующие пятнадцать лет. Чем жил и о чём мечтал бывший Бажов, принявший кличку Скоморошка, не знал никто.

Впрочем, этого человека вообще остальные предатели считали немного двинутым на голову и не совсем понимали мотивы, побудившие его примкнуть к их заговору. Хотя шпион и соглядатай он был отменный. К тому же именно он вновь нашёл мою мать и навёл на нашу семью остальных экс-Бажовых. О «странностях» же его говорило хотя бы то, что Скоморошка оказался, пожалуй, единственным чародеем за всю историю Полиса, умудрившимся случайно погибнуть под тяжёлыми цилиндрическими колёсами медленного парового дорогоукладчика примерно год назад.

Непосредственный исполнитель убийства моих родителей, некто Батурин, хотя спланировал катастрофу и всё организовал Окин, как и мечтал, пробился в лидеры одной из наёмничьих Ассоциаций. Этот погиб тихо и мирно на одной из тёмных улочек Дна. Пусть он и был чародеем, но это не спасло его от «случайного падения на нож». Почти сорок раз. Спиной. Трактирщик Качарин, постоянно расширявший сеть принадлежавших ему забегаловок и клепавший артефакты теперь исключительно для себя, тоже не жаловался, медленно обрастая огромной семьёй, в которой он безраздельно правил.

Семён Бажов же, освободившись от сдерживающего его амбиции клана, отныне стремился к вершинам полисной власти в Москве. Как минимум к тому максимуму, что был доступен для простецов. На свою беду, он уже был одарённым, пусть и катастрофически слабым, а не являлся ни простецом, ни феноменом вроде Клары, так что не мог усилиться, съев хрустальное яблоко с чужим извлечённым ядром. Этот жуткий ритуал с хрустальными деревьями душ, жертвой которого я чуть было не стал в прошлом году, оказывается, до сих пор практиковался Бажовыми, разделявшими очень древнюю и ортодоксальную веру в Древо. Так что найденные мною в катакомбах плоды, были, скорее всего, извлечены в связи с особой нуждой из умирающих бойцов, но к деятельности «Садовников» это никак не относилось.

Так вот, как выяснилось, в случае Семёна Баждова, разделившего проклятие всех слабых одарённых со времён самой Эпохи Сказок, поедание хрустального яблочка не добавляло сил уже существующему ядру и не прививало чужую живицу или «эго». Подобное действие приводило только к страшной, долгой и мучительной смерти. Чем, кстати, ранее некоторые кланы пользовались, устраивая публичные казни кровников, жизнь которых казалась им важнее столь ценного плода.

Вместо того чтобы стать могущественным чародеем, что оказалось невозможным, он вынужден был довольствоваться доступным. Предатель нашёл и убил некоего чиновника четырнадцатого ранга Окина Виталия Юрьевича, очень похожего на него человека, разве что не отличавшегося особой статью. А затем занял его место и там уже развернулся во всю ширь своего незаурядного ума, плетя интриги и ползя вверх по карьерной лестнице.

Только вынужденный притворяться простецом Божиёвым Всеволод Бажов, с помощью приятелей ставший хозяином колбасной лавки, не стремился к чему-то большему и не упо-

каивался. Он страстно желал обладать «Игнисом», вот только у моего деда, которого он убил в спину во время его боя с врагами, этого артефакта при себе не оказалось. Как не было его и в здании, принадлежавшем тогда Бажовым. Его, кстати, можно было не искать. Оно рухнуло после жуткого разноцветного пожара, возникшего в ходе штурма аккурат к концу той самой страшной для клана ночи.

Собственно, то, что будущий Божиев не нашёл проклятый артефакт, по факту спасло жизнь моей мамки. А потом случился мой отец, оказавшийся на самом деле нехилым чародеем из клана Карбазовых, с которым от предателей сбежала моя мать. Но если остальным предателям на девчонку, которая нужна служила только для того, чтобы проникнуть в закрытый и спрятанный родовой Посад Бажовых, было наплевать (всё равно она почти ничего не знала и не могла им сделать). То вот Всеволод, грезивший, что именно там мои дед и прадед перед отправлением клана в Москву спрятали злосчастный «Игнис», остался с носом! И очень долгое время не мог успокоиться, будоража приятелей, которые его откровенно боялись, а также тратя заработанные ими деньги на бесплотные поиски.

Затем нас нашёл Скоморошка. Родителей убили, но и тут всё оказалось не слава Древу, и я как наследник был какой-то бракованный и вроде даже не чародей. Узнав эту новость, Божиев в ярости хотел собственноручно меня прикончить. Однако Окин его успокоил, заверив взбешённого родственника, что если они не будут торопиться с выводами, а просто начнут постепенно реализовывать его очередной план, то, вполне возможно, всё ещё сложится хорошо. И как в воду глядел, я внезапно пробудил ядро, попал в чародейскую школу, а затем и вовсе стал полноценным Бажовым.

И у них к этому времени всё было уже подготовлено. Роли расписаны, а главная актриса по отмашке выпущена на сцену. Вот только предатель Божиев не мог больше ждать! Сразу после падения клана он умудрился переспать с сифилитичкой, каким-то образом попавшей до этого под воздействие духов из плана смерти, и долгое время даже не подозревал о своей страшной болезни, успевшей войти в необратимую стадию. Но вот сейчас, с возрастом, она вдруг резко начала прогрессировать, и он буквально помешался на «Игнисе», считая, что это единственное его спасение! К вере в это в поражённом инфекцией и безумием разуме со временем добавилось ещё и бессмертие, а также всевластие и непобедимость.

Кстати, маленькому Славику, которому досталось от отца этакое наследство, можно сказать, дважды повезло. Путрайдизомнит – оставалось только надеяться, что я правильно запомнил название, – в его возрасте ещё можно было не просто ввести в ремиссию, но и попытаться излечить. Вот только для этого помимо лекарственно-алхимической терапии нужна была насыщенная более мощной, чем у отца, живицей кровь кланового родственника, да ещё и той же, что и у него, группы. Так что я и глазом не успел моргнуть, как из меня выкачали литров пять и предложили, как восстановлюсь, приходить ещё!

Впрочем, лечение Славки – самая маленькая из моих нынешних неприятностей. И иголки в венах, и донорство с принудительной накачкой живицей выходящей крови можно перетерпеть. А вот то, что после смерти Мистериона нашу группу хотели расформировать на усиление, было очень и очень нехорошо. Привык я и к Нинке, и к Машке, да и с Бориславом мне было удобно, а Дашку, когда она молчала, вполне можно потерпеть. И даже любоваться Белоснежкой, правда, желательно издалека и так, чтобы она не видела. А то и в глаз реально получить, дабы появившийся вследствие этого фонарь ещё лучше освещал для тебя её миниатюрную фигуру!

Но, как говорится, хорошо иметь влиятельных друзей и родственников! Пусть даже неродных. Ольга Васильевна подсутилась, и нашей группе был назначен временный наставник, а решение о расформировании отложено. Некий Игнат Ланский... кстати, не кто иной, как родной отец нашей Клары. В общем-то, хороший мужик, правда, куда более требовательный, чем Мистерион, и имевший совершенно другой стиль, что в преподавании, что в работе

на миссиях. А вот жил он, кстати, не с нами, а получил место в коттедже-четырёхсемейнике для молодых преподавателей.

А самая запара состояла в том, что примерно с неделю назад мне пришло третье из Храмовых писем-вызовов на дуэль, которые я без ущерба для себя мог проигнорировать. Так что до часа «икс» осталось не так уж и много времени, а я чувствовал, что совершенно не готов. Более того, как уже говорил, у меня, после того как я посмотрел бой настоящего реального Бажова, словно начался регресс! Ничего из того, что я увидел, повторить хоть на каком-то уровне совершенно не получалось, и в то же время всё, что я уже умел, словно сломалось и никак не хотело работать как раньше!

Разве что вот этот протуберанец проклятый! И вроде бы получился, но силы огненного эго он с собой словно не нес! Так что работал словно для вида, зато та же «Мисахика», которая у меня вроде бы неплохо выходила порой даже без печатей, кажется, ослабла, и я совершенно не понимал почему. Ольга Васильевна тоже... и обследовала меня, и пыталась что-то найти в книгах, и лично помочь, но всё было без толку. Так что сейчас она в спешном порядке искала нового репетитора со схожими параметрами «эго», готового помочь. Вот только, несмотря на её статус и возможности, процесс этот был не из лёгких. А я, честно говоря, уже... в, общем-то, и не надеялся. Особенно вспоминая её другого ученика, который, вместо того чтобы учить меня, попытался угробить.

– Ну и что это за убогий балет я только что наблюдала? – произнёс за моей спиной незнакомый женский голос, вырывая из медитации, в которую я, честно говоря, так и не смог войти.

Вскочив, я обернулся и увидел перед собой относительно легко одетую в явно дорожные вещи русоволосую женщину чуть старше Ольги Васильевны. С зелёными глазами. Точнее, глазом, так как правый бык скрыт под повязкой, в то время как лицо пересекали три очень нехороших белоснежных, чуть рваных шрама.

– Вы Бажова? – спросил я, но она только хмыкнула, отбрасывая в сторону дорожный мешок.

– Ну-ка защищайся! – И в следующее мгновение меня атаковали.

Первый удар я более-менее заблокировал рукой, а вот следующий... нет, меня явно не били в полную силу, пусть и приложило по челюсти неожиданно и довольно чувствительно. Я же постарался разорвать дистанцию и отпрыгнул назад, вот только сразу же попал в полыхнувшее словно из-под земли пламя.

Приготовившись заорать от боли, я вдруг понял, что оно не обожгло, а кувырком подбросило в воздух, затем женщина, до которой от меня было метра три, с шагом вперёд ударила рукой с раскрытой ладонью по воздуху. Единственное, что я успел заметить, – мгновенно протянувшиеся ко мне струи будто смазанного огня. Меня как тараном в грудь ударило! Последний раз я так летал, когда на первом физическом занятии с МакПрохором меня со всей дури лягнула Дашка. Вот только с тех пор я кое-чему научился и, сгруппировавшись, не упал на спину, а в несколько фляков погасил инерцию.

Чтобы тут быть сбитым с ног и уткнуться носом в землю, получив знатный подзатыльник от как-то оказавшейся рядом дамочки.

– Отвратительно! Просто отвратительно! – произнесла она и приказала: – Ну-ка встал! Всё заново.

А так как я не поспешил выполнить приказ незнакомки, вокруг моей талии словно ткань обилось зелёное пламя, и я рывком, раскрученный, был подброшен в воздух. Совершив несколько оборотов, к своему удивлению, приземлился прямо на ноги, чтобы быть мгновенно атакованным.

Ситуация повторилась, и мне даже удалось защититься от нескольких ударов, прежде чем я понял, что передо мной уже никого нет, а затем со спины в голову прилетел удар ногой, отправивший меня в новый полёт. Вот только в следующую секунду я будто завяз в образовав-

шейся в воздухе зелёной спирали, а затем меня с ускорением выплонуло, раскрутив, в другую сторону.

В этот раз приземлился я не так удачно, но на землю не упал, потому как меня пендалем поставили на ноги и отвесили очередной подзатыльник.

– Нет, господа присяжные-заседатели, – произнесла она, тяжело выдохнув. – Это реально за гранью добра и зла. Ещё раз!

В зелёной вспышке она перенеслась, чтобы оказаться передо мной, но продолжения не последовало, потому как её руку жёстко заблокировала появившаяся рядом Ольга Васильевна, со светящимися золотом руками женщины застыли друг напротив друга. Признаться, я даже не заметил, откуда, собственно, появилась моя опекунша, а пока приходил в себя, она заговорила:

– Вы кто такая?! – Ланская, судя по голосу, была в ярости, но её оппонент и глазом не моргнула.

– Я-то? Решением Совета Старых Пердунов большого клана мастер-наставник вот этого вот природного недоразумения, имеющего ещё на что-то какие-то претензии, – ответила она с ухмылкой, и зелёный глаз незнакомки засиял знакомым светом. – Бажова, Марфа Александровна. Красавица и охотница на чудовищ. А ты, милочка, собственно, кто такая будешь?

– А я мать этого молодого человека, – гордо ответила опекунша, и я с удивлением уставился в её спину, потому как, честно говоря, был шокирован ответом даже больше, чем новостью, что кто-то назначил мне наставника. – Княжина Москвы, Ольга Васильевна Ланская! Учёный исследователь, изобретатель, алхимик и много чего ещё!

– Ха!.. Упс, – чуть смутилась женщина, но титул Ольги, судя по всему, впечатления на неё не произвёл. – Я что? Ошиблась? Точно ошиблась, ни один Бажов не может быть подобный неумехой и тюфяком. Но на всякий случай спрошу. Эй, парень, ты Антон Бажов или нет?

– Антон... – выдавил я, продолжая пялиться на свою опекуншу.

– Х-м... так, – Бажова, крякнув, почесала затылок, распушив собранные в длинный конский хвост русые волосы. – Похоже... Кое о чём меня не предупредили. Думаю, нам надо с тобой поговорить, милочка.

– Согласна, – холодно ответила Ланская.

– И да, это... – Марфа ткнула большим пальцем куда-то в сторону. – Тут на деревьях мужики какие-то тусовались. Надо бы их тогда освободить, а то жалко будет, если яйца себе отморозят...

Глава 2

– Проходите, – подчёркнуто холодно и не очень-то и гостеприимно произнесла Кня'жина, открывая дверь в свой дом.

– Что ты, милочка, только после тебя! – хмыкнула Бажова, криво улыбнувшись.

Ольга Васильевна на это ничего не ответила, только чуть приподняла бровь, бросив быстрый взгляд на свою спутницу. Не то чтобы Ланская уделяла особое внимание древним традициям и устоям, но в дом, где живут чародеи, действительно принято было входить после хозяев. В то время как пропускать гостя вперёд – банальная вежливость простецов, на пороге жилища которых вряд ли возьмёт, да и сработает механическая ловушка или какая особо хитрая защитная печать.

Так что, не размениваясь на препирательства, женщина просто прошла вперёд, на ходу отодвинув в сторону поспешившую поприветствовать вернувшуюся начальницу Клару. А последовавшая за ней одноглазая ещё и мимоходом сунула в руки слегка опешившей служанке свой довольно тяжёлый вещмешок со словами: «Кинь где-нибудь в углу. Только внутрь не залезай – откусит любопытный нос!»

Следуя за Ланской в её кабинет, Марфа удивлённо проводила взглядом быстро проскользнувшую мимо, вежливо поприветствовавшую их красивую молодую девушку с зелёными глазами и неяркими, но всё же узнаваемыми чертами её клана. А ещё от молодки прямо-таки пыхало мощной, вообще никак не контролируемой и не сдерживаемой, но родной живицей.

За руку девица вела золотоволосого мальчика лет шести, чем-то очень недовольного и полностью проигнорировавшего как хозяйку дома, так и гостью, а за ними тихой мышкой следовала девочка чуть постарше с робким взглядом и испуганным личиком. Намётанный глаз охотницы за чудовищами тут же отметил, что в детях также присутствовала кровь Бажовых.

Вот только из-за абсолютно нехарактерной внешности трудно оказалось понять, были ли они смесками-полукровками, уродившимися похожими на других родственников, или всё же являлись удалёнными квартеронами. Во всяком случае, если пацан, судя по всему, носил явные черты какого-то неизвестного Марфе клана, то другой ребёнок, не имевший ярких признаков, больше походил на обычного простеца. Охотница за чудовищами, скорее всего, и сочла бы её за выбракованного в этом поколении носителя крови, если бы не всё ещё слабое, но вполне нормальное для возраста девочки давление бесконтрольной живицы, которое женщина почувствовала, когда та проходила мимо.

А вообще, живущие в этом доме люди всё больше и больше удивляли Бажову. Начиная с её будущего ученика, практически не развитого и ничего не умеющего ленивого полукровки. Этаким «паршивой овцы» в стаде Бажовых. Ознакомившись с присланными из Совета документами, Марфа долго плевалась от предстоящей ей работёнки, а затем ещё некоторое время испытывала острое желание как следует вымыться, столько откровенной грязи содержала в себе биография этого недоросля. Будь это один из её собственных ныне покойных сыновей, Бажова собственными руками задушила бы его только за малую часть того, что успел наворотить за свою недолгую жизнь этот малолетний подонок! Более того, ещё и живущий, как в Ирии, на самой кроне Древа, вместо того чтобы гнить за свои преступления на каторге или быть вздёрнутым на столбе!

Марфа вообще не очень понимала решение Совета отправить её учить чему-то этого ублюдка, вместо того чтобы просто ликвидировать подобный человеческий мусор и сделать вид, что такой позор в клане Бажовых никогда не рождался. И всё же приказ есть приказ, как бы ни не хотелось ей его выполнять. Но в любом случае женщина затруднялась сказать, чем же была вызвана подобная лояльность со стороны стариков: то ли тем, что это последний выходец

из старшей семьи главной ветви. То ли тем, что он обладал бета-стихией и нёс основные признаки двух Великих кланов, что уже само по себе было необычно.

Волосы Карбазовых, к примеру, очень легко было принять за чисто-белые, как, например, у каких-нибудь там Светловых или Солнцевых с Лучиковыми. Беловолосых среди чародеев вообще было много, однако Карбазовы со своей водно-ледяной стихией, не имевшей вообще никакого отношения к «свету», всё же отличались, что не могла не подметить Марфа.

Всё-таки пусть тому доверчивому Бажову, назвавшемуся Михаилом, сыном Ивана из Сыктывкара, она и навешала лапши на уши, поддерживая свою мрачно-негативную репутацию в Большом Клане, но Фёдор Карбазов действительно был её любовником. Вот только не пленным, которого она засношала до смерти, а верным спутником и помощником, с которым женщина то сходилась, а то расходилась. Ведь у каждого из них имелась своя жизнь, а Федя, старше её на пять лет, всё же был привязан к своему клану, хоть и не разделял их довольно экстремальной идеологии чистоты крови.

Кстати, именно из-за его родственников Марфа так и не родила ему сына, хотя до сих пор могла бы это сделать, всё-таки физиологией чародейки немного отличались от простых женщин. К тому же пока он был единственным мужчиной в её новой жизни, для которого хотелось бы пойти на подобный шаг... Но вот он не желал делать своего ребёнка целью для атак собственного клана, может, потому и уходил каждый раз, когда Бажова уже готова была плюнуть на всё и сделать по-своему.

И тем не менее волос клана мурманских воинов ледяной воды Марфа узнала бы из миллиона белоснежных шевелюр. Однако, если взять, да и покрасить этого самого Антона краской под русого, то отличить его от эталонного кланового мужчины-Бажова будет практически невозможно. Глаза (как цвет, так и идеальный разрез), нос, подбородок скулы, форма рта и даже ушей вкупе с цветом кожи, – всё выдавало в будущем ученике не просто клановую породу. Именно что, кровь старшей семьи главной ветви, ставшей московской ипокатастимой.

При этом, даже если абстрагироваться от написанного в сопроводительных бумагах к заданию, этот ребёнок её уже очень разочаровал. В его-то возрасте даже при отсутствии кланового воспитания можно было хоть что-то из себя представлять! Она же ясно увидела перед собой избалованного и ленивого балеруна, который, полностью соответствуя своей характеристике, привык прятаться за спиной этой самой Кня'жины, считающей себя её матерью.

Естественно, негативное отношение к малолетнему ублюдку переложилось и на вышавшую сейчас перед ней Ланскую, которая то ли целенаправленно не замечала всего того, что творит её якобы «сын». То ли прямо потворствовала его мерзким наклонностям. К тому же испытываемое Марфой презрение ещё усилилось, потому как эта пародия на женщину и чародея за те шесть лет, что опекала этого недоросля, не перевоспитала малолетнего преступника, бандита и убийцу, а избаловала его, превратив в абсолютно никчёмное существо. Мерзкого слизняка, имеющего наглость претендовать на главенство в её, Марфы, клане!

В том же, что женщина сказала правду, и она являлась Ланской, отпрыском княжеской семьи, Бажова даже не сомневалась, пусть никогда и не встречалась с их представителями. Ещё бы, единственная ветвь, состоящая из одной семьи, ведущая свой род почти напрямую от Святогора Тимирязева... кто бы допустил, чтобы правители Московского Полиса просто так сходились на полях сражений незнамо с кем. И тем не менее известно о них было многое, а потому не узнать характерную стойку, используемую только этой семьёй, опытная чародейка просто-напросто не могла. Учитывая же её естественность, сразу же подмеченную Марфой, эта Ольга практиковала свой стиль с самого детства.

Ещё одной тайной, вызывающей многочисленные вопросы, стала только что встреченная практически взрослая Бажова. Совершенно необученная девушка, но с настолько могущественной живицей, что, по сути, уже превосходящая убогого слизняка, которого ей навязал Совет Премудрых Пердунов. Такое не могло быть естественным, ядро этой девушки без долж-

ного развития уже должно было начать атрофироваться, пережив пик роста, не поддерживаемый в четырнадцать-пятнадцать лет необходимыми методиками!

Бажова вообще сказала бы, что эта молодка каким-то образом съела «Фруто Кристалиум», священный плод, взращенный ритуалом из души добровольно пошедшего на жертву умирающего чародея. Но если она в далёком детстве была простецом, тогда почему сейчас не владеет своей силой?

О том, что уровень контроля нулевой, говорили выплёскиваемые организмом девушки волны живицы. Но чтобы та начала придавать телу внешние клановые черты должно было пройти много лет. В то же, что кто-то взял и идеально подобрал «Хрустальный Плод» конкретно под неё, Марфа просто не верила! Во-первых, для подобного нужно обладать опытом и чутьём древних шаманов, а ещё – их описанными в клановых легендах коллекциями драгоценных яблок. А во-вторых, откуда здесь, в Москве, им вообще взяться?

Марфа резко остановилась возле широкой арки, ведущей в кухонное помещение, с нарастающей в душе яростью глядя на сидевшую за столом женщину, абсолютно точно бывшую выходцем из её клана. Та, чуть покачиваясь на стуле, пустым взглядом глядя на стену и не обращая на неё никакого внимания, баюкала на руках тихонько хныкающего спелёнатого младенца с зелёными глазками и русыми волосиками. Он был весь опутан какими-то пластиковыми трубками, уходящими под окровавленные тряпки. Через них в тело поступали жидкости, идущие от пяти установленных на стойках капельниц, заполненных красным, синим, жёлтым, зелёным и прозрачным содержимым.

На столе же перед Бажовой, имени которой Марфа не знала, стоял полупустой стакан с чаем. Бутылочка с соской и, судя по всему, с детским питанием, несколько погремушек и перепачканные красными пятнами салфетки лежали рядом.

– Что у вас здесь вообще происходит?! – почти зарычала Бажова, гневно воззрившись на Ольгу Васильевну, потому как переданная ей информация, которой до этого момента просто-напросто не хотелось верить, фактически подтвердилась.

– Парная терапия, – со вздохом, явно подавляя раздражение, объяснила учёная. – У ребёнка от рождения путрайдиомнит, это...

– Я знаю, что это такое, – огрызнулась Марфа. – Не вчера родилась!

– Похвально, – фыркнула Ланская. – В этом возрасте у него ещё есть шанс излечиться, однако введение препаратов и крови Антона, ближайшего родственника-мужчины, болезненно для ребёнка. Только на руках матери он успокаивается. Плюс он продукт инбридинга, и мы пытаемся это поправить...

– Да-а-а, повезло мне с ученичком, – с омерзением поморщившись, произнесла Бажова, с отвращением глядя на Княжину. И процедила: – Как вы вообще могли допустить, чтобы этот... сотворил нечто со своей же родной матерью?! Понимаю, почему его поставили под рассмотрение на «приказ 77»...

– О чём вы вообще говорите?! – слегка покраснев, прошипела учёная, готовая за такие предположения просто убить гостью, и уже тише добавила: – С чего вы взяли, что Елизавета – мать Антона, а Слава – его сын?!

– С чего я взяла? – фыркнула Бажова. – Ну точно не сама придумала и не на потолке нашла. У меня есть его характеристика, присланная из Совета нашего клана, этого вполне достаточно. И то, что я вижу, полностью укладывается в приведённые в ней факты!

– Могу я? – поинтересовалась Ольга Васильевна, продолжая хмуро разглядывать собеседницу и протягивая руку.

– Вообще-то это дела клана, и вас, милочка, они не касаются...

– Вообще-то вы сейчас находитесь на территории Московского Полиса и обязаны подчиняться нашим законам. Я официальный опекун мальчика вплоть до его чародейского выпуска из Академии, а соответственно его текущему статусу являюсь утверждённым Советом Мос-

ковских Кланов регентом Бажовых. И поклялась действовать исключительно в интересах Антона, – жёстко отрубила Ланская. – Надеюсь, вы будете столь же сговорчивы, как ваши коллеги из Новгорода. А теперь... мне повторить свою просьбу?

– Х-ам... – женщина нехотя открыла закреплённый на поясе небольшой подсумок для бумаг и документов и, вытащив несколько аккуратно сложенных листков, передала их учёной.

В общем-то, Марфа, конечно, могла и послать эту Кня'жину на мужской детородный орган со всеми её претензиями, не взирая ни на какой статус в этом Полисе. Да, «регент клана» было вполне официальным статусом, пусть изредка, но присваиваемым Главе другого клана, если вследствие военных действий или какого-то внутреннего конфликта в роду у союзников не осталось ни одного взрослого чародея, способного взять на себя заботу о детях и подростках. Однако в случае Антона ситуация была вовсе не так однозначна, ведь одно только присутствие здесь самой одноглазой Охотницы, по идее, полностью аннулировало какую-либо потребность в содействии со стороны Ланских.

И всё же с ходу конфликтовать с аборигенами Бажовой не хотелось, да и в той части документа, которую женщина только что передала хозяйке коттеджа, не содержалось никакой секретной информации. Только собранная биография и зафиксированные сомнительные подвиги одного очень испорченного подростка. Всё остальное – самое важное – Марфа демонстрировать естественно не стала, зато с каким-то внутренним садистским удовлетворением наблюдала, как темнеет лицо Кня'жины по мере прочтения каждой страницы.

Ольга же впала в ступор от содержимого переданных ей документов. Если им верить, именно Елизавета была необученной на чародейку родительницей Антона, и в первый раз в половую связь с ней он вступил в возрасте примерно шести лет, фактически изнасиловав. Парень якобы с детства состоял в самых худших московских бандах. Занимался убийствами, работоторговлей, проституцией, в том числе торговал собственным телом в грязных кабаках первого уровня, где заработал кличку «Сладкая попка». Чем, собственно, промышляет до сих пор, совершенно не интересуясь развитием своих чародейских навыков. Попутно совмещая свои гомосексуальные наклонности с порочной страстью к собственной матери, от которой нынче имеет четырёх детей.

При этом ничего хорошего о самой учёной также написано не было. К ней он попал вследствие удачно проведённой аферы шесть лет назад, после чего принудил её стать его сожительницей. Далее шла полнейшая ахинея, якобы доказывающая его многочисленные преступления, а также садистские, мазохистские и прочие наклонности: необоснованную жестокость, паталогическую глупость, жадность, лень, а также способность вонзить нож в спину ближнего своего, отнять конфету у ребёнка и пнуть беременную кошку.

«На три четверти самой ужасной лжи всегда следует добавлять одну четверть правды – и тогда вам поверят!» – именно так поговаривал последний Глава печально известного в Полисе «Семицветья». И кто бы ни был составителем этих бумаг, он пользовался такими же погаными методами. Часть информации, связанная с инцидентом с «Садовниками», случившемся год назад, была подана верно. Указывалось даже наличие раны в виде выхода кристаллизованной души. Вот только подано всё это было так, что Антон назначался чуть ли не главным виновником той трагедии. Как-то прознавшем о ритуале «Хрустального сада» и возжелавшем таким мерзким способом за счёт одноклассников увеличить собственные силы. Да ещё и умудрившемся в очередной раз обмануть всех глупеньких москвичей. Как, видимо, и саму смерть, потому как, сожрав множество хрустальных яблок, он сам чуть было не пророс, но каким-то чудом выжил, хотя и стал слабосилком, сохранившим свою «Бета-стихию».

– Вы что там, Бажовы, у себя все с ума посходили? – смеясь поинтересовалась Ольга Васильевна, удивлённо посмотрев на Марфу. – Кто вообще может верить в подобную чушь?

– Хо! Милочка, поброди с моё по свету – ещё и не такое увидишь и услышишь! – отрезала Бажова, поморщившись. – В любом случае это официальный документ, гербованный и заве-

ренный печатью канцелярии совета. Мне он был доставлен курьером в опечатанном чарами охранным конверте. Так что не верить написанному у меня причин нет! Как бы я там ни относилась к стариканам...

– Ну, значит, у вас там какой-то шибко талантливый беллетрист завёлся, которому романы в пору писать, а не отчёты. В любом случае к Антону вот эти вот писульки вообще никакого отношения не имеют. Это надо же придумать, в шесть лет кого-то там изнасиловать... – тихо ругнувшись и продолжая посмеиваться, произнесла Ольга Васильевна, а затем, резко отвернувшись, приказала: – Следуй за мной. Не стоит беспокоить Лизу! Она и так страдает, а мы пока не можем ничего сделать! Не стоит ещё больше усугублять...

Марфа нахмурилась, но подчинилась. Признаться, она ожидала какой угодно реакции, но только не смеха. Этот Антон, которого ей велено учить... плевать даже на преступления, чародеям порой и не таким приходится заниматься, но всё остальное за гранью добра и зла. А он, оказывается, ещё к тому же болен грязной болезнью и заразил ей своего сына...

Пристрастие же к мужеложству и связь с собственной матерью – подобные увлечения даже среди простецов сурово осуждались вплоть до клеймления и каторги! А эта княжеская сучка не только его покрывала, но и смеялась над остальными Бажовыми!

Из доклада, оправленного холмгарёвцами, ставшего основой для её поездки в Москву, ясно следовало, что в Полисе Москва был обнаружен один-единственный мужчина. Проведённое же ими тщательное расследование показало что это моральный урод, порченный человек, но при этом претендующий на главенство как в своей ипокатастиме, так и в Большом Клане. И это именно полукровка Антон Бажов, так что никакой ошибки просто быть не могло! В конце концов, никто ещё не сошёл с ума, чтобы гонять от Урала почти к Холмгарёру дорогуший вездеезд с курьером и десятком чародеев сопровождения, только чтобы доставить ей непроверенную информацию!

Теперь у неё имелось подтверждение того, что маленький ублюдок нарушил важнейшее табу на инцест, которое испокон веков неизменно соблюдалось как среди Бажовых, так и во многих других чародейских кланах. Они – женщины Бажовых – были красивы! Так уж распорядилась природа, и мало находилось мужчин, способных перед ними устоять! Однако трогать близких родственников до пятого колена включительно было запрещено ещё при Князе Горохе! Под страхом немедленной смерти!

В полученных ею бумагах, тех, что она не показала Княжине, этот вопрос был отмечен как требующий уточнения. Сейчас же она своими глазами видела больного ребёнка и замученную, психически сломленную женщину, Марфу более не сдерживало постановление об ученичестве. Его отменял вложенный в выданный её Михаилом пакет лист с формой «Приказ 77», который предписывал ликвидацию отступника в случае, если лицо, указанное в нём, будет замечено в преступлениях против клана.

Единственно, что немного смущало Охотницу за чудовищами, из-за чего она ещё не начала действовать, так это смазанное имя Бажова в таком важном документе. Причём подлинность его была стопроцентной и подтвержденной личной подписью со знакомой ей живицей секретаря. Но вот сколько бы она ни выполняла как семьдесят седьмых, так и семьдесят девятых на ликвидацию чародеев из других кланов, документы всегда были заполнены предельно чётко, а здесь... такое впечатление, что имя вообще начиналось на «В», которое попытались исправить на вензельное «А», а потом ещё и смазали.

Так что она не торопилась и желала перед тем, как всё закончится, немного развлечь себя, послушав, как Ланская будет в очередной раз отмазывать своего малолетнего любовника. А уже затем совершить вынесенный приговор. Что, конечно же, будет стоить ей самой жизни. Впрочем, ловушка ли это старых маразматиков, которым надоело её своеволие, и те отправили её на самоубийственное задание, стечение обстоятельств или просто судьба – женщина не знала. Зато всегда была уверена, что этот день когда-нибудь да наступит.

Учитывая обстоятельства, вряд ли она, закончив здесь дела, сможет вырваться из этого Полиса и тем более увести за собой четверых человек, найденных ею Осколков, включая, конечно же, и младенца с необходимым ему оборудованием и лекарствами. Так что все мысли одноглазой Охотницы были сосредоточены исключительно на том, как она будет убивать мерзкого парня, и каким образом не сделать при этом Москву врагом для остальных Бажовых, прибавив бросившуюся защищать своего сына-любownika княжескую родственницу.

А также, что, возможно, стоит проявить хитрость, признав правоту Ланской, а не переть буром, как она вообще-то привыкла. Проявить себя истинной чародейкой, создать за какое-то время условия для отхода, поучив чему-нибудь говнюка, и так вывести из-под удара остальных найденных Бажовых... Когда уже в кабинете её мысли прервала упавшая на стол перед Марфой гербованная Ланскими папка, брошенная, похоже, пребывающей в настоящей ярости Кня'жиной.

– Читай! – уже почти сдерживаясь, прорычала Ольга Васильевна.

Погружённая в мрачные мысли, Марфа тем не менее взяла выглядевшие официальным расследованием документы и, вначале скептически полистав бумаги, в результате прилипла к написанному. Вчитываясь в куда более строгое и логичное, чем в присланных ей из Совета документах, изложение дела: «Куртизанки клана Золотниковых, Бажовой Е.В.»

С одной стороны, не веря написанному, подозревая подлог. А с другой – понимая, что конкретно её появления никто не ожидал и оправдываться перед Бажовыми не собирался. А потому, возможно, всё написанное, здесь может быть правдой. Тем более что документы были для внутреннего пользования и открывали некоторые незначительные секреты чужого клана.

Наконец, отложив заполненные бумажными листами и скреплённые шнурками картонки, Марфа задумчиво и уже не так агрессивно, как раньше, спросила:

– И я могу этому доверять? – Всё же поверить в то, что она, как и Совет, получила от одной из ипокатастим клана заведомо ложную информацию, было трудно.

Да – момент с этой Елизаветой был «одним из» в деле Антона Бажова. Вот только чуть было не оказался роковым, в то время как, если верить Ланским, парень мог бы делать с ней вообще всё, что хотел. Матерью его она никогда не была... да и вообще, между ними пролегалo приличное количество поколений.

К тому же, учитывая имя казнённого Новгородцами настоящего отца Славика как раз на «В», ещё более подозрительным выглядел полученный «Приказ 77» с более-менее читаемой вензельной «А», совершенно не соответствующей остальному тексту, и смазанным именем.

– Это официальные бумаги «моего» клана, – едко ответила Ланская. – К тому же вы сказали, что знаете, что такое путрайдизомнит?

– Знаю, – нахмурившись ответила Марфа.

– Так скажите, как я могу лечить заражённой кровью ребёнка, если донор – Антон, а болезнь передаётся по мужской линии?

Почему-то этот факт, озвученный всё ещё взбешённой учёной, повлиял на Марфу куда сильнее, нежели всё только что прочитанное. А на робкий вопрос о той встреченной недавно сильной девушке, последовал ответ, что ни по группе, ни по родству она не подходит! И к тому же не умеет оперировать живицей.

– Тогда я не понимаю, как... – произнесла Бажова, кивнув на бумаги из Совета, сиротливо отложенные на край стола.

– Вы же от ваших Новгородцев весточку получили?

– Да, – медленно произнесла женщина, и тут же перед ней по столу хлопнула книжица, которую так и не севшая на своё явно рабочее место Ланская достала из того же сейфа.

«Codex: Qui sumus est», – было написано на обложке, а, прочитав по совету хозяйки пару последних глав новгородского кодекса и выслушав Ольгу, Марфа с головой окунулась в далеко не самую приятную для себя версию пропаганды, где все другие Бажовы, кроме холмгарёвцев,

были выставлены слабаками или откровенно вредящими делу клана людьми. Сосредоточена же она была на личности их нынешнего лидера. Который был не сильно старше Антона, также обладал бета-стихией и с подачи старейшин своей ипокатастимы чуть ли не со рождения претендовал на всеобщее лидерство в Большом Клане.

Оправданное, надо сказать, особенно, учитывая, увиденного ею сегодня тюфяка и лентяя. Который в свои годы даже просто драться в том же клановом стиле Ланских нормально не научился. Или, точнее, за столько лет его, возможно, не посчитали нужным научить, воспитывая лень молодого человека. А теперь ответственность за него воспитание решением Совета легла на неё...

И, что самое отвратительное, после предоставления доказательств непричастности парня к рождению маленького Славика убивать его было не за что. Да и остальные описанные преступления в свете одной большой лжи уже не казались такими уж правдоподобными. Но разговор как-то так повернул, что спустя полчаса женщины, быстро распаляясь, уже почти кричали друг на друга.

– Это дело клана! – Бажова, хоть теперь и сомневалась в переданных ей документах, но не собиралась посвящать чужака в свои дела больше необходимого. – И посторонним их видеть незачем!

– Это я тут посторонняя? – Ланская тоже отступить не собиралась. – Я его мать!

– Кто? – охотница на секунду зависла.

– Да! Его мать! – прорычала Ольга, прихлопнув свой собственный стол так, что ладонь проломила его.

– Слышь, ты! «Я ж мать!» – вторила ей Марфа, не обращая внимания на насилие над мебелью. – Какая ты, нах, мать?! Мать твою!

– Какая есть, а другой у него сейчас нет! – ответствовала Ланская, а ситуация в кабинете накалялась, в то время как чародейки уже вполне готовы были по-простецки вцепиться друг другу в волосы.

– Да сколько ему лет?! – гаркнула Марфа, доламывая чужую столешницу, разрывая ладонью бумаги из совета, по которым пришёлся удар. – Если даже всё это неправда, какая мать-чародейка шесть лет позволит ребёнку оставаться таким ленивым, тупым неучем?! Он даже защищает себя через зад...

– Вообще-то Антон живёт со мной чуть больше полугода! – вдруг успокоившись, фыркнула Ольга Васильевна, и Марфа Александровна, блеснув своим единственным глазом, будучи умной женщиной, почувствовала, что тут опять что-то не так.

Подавив уже алеющую в заполненных зелёную глазах бажовскую ярость, женщина пару раз демонстративно вздохнула, а затем ответствовала:

– Так расскажи мне тогда, милочка, почему мой родственник под твоей опекой ничего собой не представляет? – сдержанно произнесла женщина. – Как так получилось, если ты его воспитывала, мальчик...

– Ну вот мы с тобой, – вежливое «вы» после всего сказанного друг другу превратилось в «ты» и у Ольги, – дошли до главного! Я знаю Антона чуть больше полутра лет!

– Но в... – начала было Бажова, но Ланская перебила.

– В твоих бумагах написана ерунда, – Ольга хмуро глядела на старшую женщину. – Я вообще удивлена, новгородцы казались вполне нормальными людьми, пусть даже статус Антона их не устраивал.

– Я не думаю, что это их вина... – нехотя озвучила свои мысли Марфа. – Они бы о чём-то умолчали, но они слишком горды, чтобы врать. Это кто-то из наших Старейшин. Только у них есть доступ к канцелярии.

– Скажу честно, мне плевать, – отмахнулась Ольга. – Вот это как раз ваши проблемы и вообще клановые дела.

– Я сообщу кому нужно, – согласно кивнула Марфа.

– А с Антоном. До этого июня мальчик был фактическим простецом, страдая от... простым языком говоря, замкнутого дуализма ядра... Или тебе по-научному?

– Прости, но в подобном уже не разбираюсь.

– Неважно. Главное, я разбираюсь, – Ольга Васильевна встала и, направившись к мини-бару, спросила: – Хочешь что-нибудь, а то наши бессмысленные толкания лбами меня утомили?

– Да, после такого мне тоже надо выпить. Так что с ядром?

– Сейчас ничего! Всё нормально и даже лучше, чем можно было надеяться. Кстати, он намного сильнее Алёны, про которую ты спрашивала, а не почувствовала его ты, потому как этот засранец имеет прямо-таки природный талант к маскировке, – с гордостью выдала учёная, наливая в два стакана ликёр на молоке и коньячном аперитиве, ставя их на журнальный столик, куда дамы переместились, сломав рабочий стол. – А до этого в прошлом году у Антона было два ядра под жёсткой оболочкой. Более того, раньше он жил в приюте на Дне, да-да... Что бы ты там ты ни прочитала в своих писульках, не было у него счастливой жизни, а у меня «любовника».

– То есть...

– То есть Антон – хороший мальчик, которого жизнь загнала в трудные обстоятельства! – ответила Кня'жина, улыбнувшись. – А меня как объект интереса он вообще никогда не рассматривал! Ну, может, только в фантазиях, но мальчишки, сама знаешь, такие... Попал он к нам в Академию в прошлом сентябре, благодаря интриге «Шипов»...

Марфа поморщилась, зная, какими беспринципными могут быть современные полисные спецслужбы, например, Сыктывкарская «Лоза» или Казанская «Ябалдаш», у которых к женщине имелась уйма претензий после посещения поселений в Зелёной Зоне.

– Мы впервые встретились, – продолжила Ольга, – когда его в середине сентября привезли в нашу школу агенты. Это был дикий зверёныш, а не нынешний Антон – у него после смертельного инцидента с неправильно использованным магическим свитком в драке подростковых банд только-только порвалась сквозь жёсткую оболочку магия. И это было не ваше пламя, а похожие на какой-то аспект жуткие взрывы. Но к концу года я приняла мальчика всем сердцем, а затем был тест Запретного Леса. Там на него напал агент «Садовников», которой была моя прошлая ученица, а дальше...

Марфа молча слушала, то мрачняя, то, наоборот, светлея, постигая перипетии жизни молодого полукровки. Это не значило, что, узнав о его трудностях, парень автоматически стал ей прямо-таки нравиться. Просто она усваивала информацию, в то время как немедленное исполнение «Приказа 77» отходило на второй план до полного уточнения обстоятельств. Потому как доверять полученным бумагам в полном объёме она уже не могла, но и полагаться исключительно на документы Ланских и мнение Кня'жины жизнь её не готовила.

Особенно тяжело Бажовой было слышать о ситуации с «Игнисом», когда её будущий ученик полностью поддался влиянию печати и изуродованной памяти этой Елизаветы. Что было отрицательным штрихом в его новой, только начавшей формироваться характеристике.

И тем не менее, оказывается, он мог сделать «Мисахику», судя по всему, лишь по какой-то книге-памяти, подаренной, а точнее, возвращённой кланом Громовых. Постигнув искусство принца Огамы и его матери, недоступное ныне для всего остального клана.

Он уже сталкивался с теми, с кем не следовало. И пусть с помощью, но побеждал. Всего этого не было в бумагах, отправленных ей. Где он выставлялся ленивым, испорченным снобом, преступником и мужеложцем с большой страстью к собственной, как оказалось, не-матери.

Новгородцы... Или всё же кто-то из Совета, вот в чём был главный вопрос, хоть она и не верила, что первые будут так нагло врать. Совершенно не похоже на гордых Холмогарёвцев.

Марфа, узнав правду, ну, или то, как она выглядела для Ольги, не взяла да полюбила Антона. Слишком, по её мнению, он был себе на уме и вообще неправильный. Но Охотница на чудовищ после всего прочитанного и услышанного готова была признать, что парень, сумевший всего за год с небольшим сделать для своего развития столь многое, в каком-то смысле гений. Вот только не он её так сильно заинтересовал, хоть она и решила дать ему шанс.

На свою беду, человек, привлёкший её внимание, спустя несколько минут после завершения самой важной части разговора, постучавшись, вошёл в кабинет.

– Ольга Васильевна, – произнесла Алёнка, заглянув в помещение. – Обед вам с гостьей подавать сюда? Или в кухне, а может в столовой накрыть? А то Клара...

Получив ответ и уточнив, что подруга просила её поинтересоваться, девушка уже собиралась уйти, когда, вспыхнув в кресле, Марфа перенеслась прямо к ней за спину под немного удивлённым взглядом Ольги Васильевны и, схватив за шиворот, вернула молодую Бажову в кабинет.

– Ау-ой! – охнула затягиваемая обратно в помещение девушка. – Что... За что?!

– А ну-ка, – поворачивая добычу к себе, произнесла Марфа. – Как зовут, кто родители?

– Ах... ну... Алёнка я, а так Ольга! Лавра Оксёмыча из Подпятнинского посада и матушки моей Изабеллы Чернушкиной дочка.

– Эм... Алёна, а почему ты никогда про мамку свою не рассказывала? – задала вопрос Ольга Васильевна.

– Так папёнка не велел, – пожала плечиками девушка. – Он её, болезную, на пляже реки нашёл, в лодке. Домой принёс, выходил, а там и поженились. И она по первой по-московски вообще не говорила. Уже я родилась, а она всё «Майма нейма из Блека», ну и прочее, про какой-то Лондум бредила. А вырастила меня вторая жонка отца, Маруся, он с мамкой хорошо ладит и языку её человеческому учит. Она, как выучилась, так только Чернушкиной её величала. Я маленькой была ещё, а она меня рассказами красивыми всё баловала. О могущественных кнайтах, таких, как вы, Ольга Васильевна и Антошка мой...

– Блэк? – хмыкнула Марфа. – Блэк... Это же не Чернушкина, а «Чёрная». Известный клан из Альбиона, там много по цветам названо: рыцари «Вайт» – Белые, «Блек» – Чёрные, «Блю» – Синие... И наши с тобой, Алёна, теперь родственники «Грин», правда, далёкие очень.

– Меня, Алёна, больше волнует вопрос, как женщина из Альбиона, а то, что ты сказала, это их язык, в лодке возле вашего Посада оказалась. Он же на Волге, если я не ошибаюсь? – произнесла Ольга Васильевна.

– На Волге-матушке! Так не помнит она почти ничего, – пожала плечиками девушка. – Только что плыла куда-то, плохо ей было, а потом батеньку увидела, который её, как принцессу, поднял. Так и влюбилась с первого взгляда!

– Не как «княжну», а как «принцессу»? – поинтересовалась Кня'жина.

– Так говорила, – ответила девушка, видя, как две женщины переглянулись.

– Но это рыцарская семья... – наконец произнесла Бажова, немного пугая Алёну своим единственным глазом. – Чёрные волосы, чёрные глаза...

– Так я в батеньку уродилась, светленькая, – быстро ответила под требовательным взглядом девушка.

– И всё равно! – воскликнула женщина. – Ты же точно наша, Бажова!

– Так Бажовой меня любимый сделал! – нежно, тепло и задумчиво улыбнулась девушка, хоть её и продолжали держать за воротник. – Антон мне яблочко дал стеклянное и сказал съесть – красивое такое! Вкусное! А я и съела. Болела потом немного, а ныне как недавно родилась себя чувствую, если бы не нападение на нас недавнее, так вообще бы всё хорошо было!

Марфа внимательно посмотрела на девушку, которую всё ещё держала, ухватив за шиворот, а затем переглянулась с Ольгой Васильевной, и та сказала:

– То есть мамка твоя называла себя Блеком... ну... Чернушкой? – спросила учёная.

– Ну да!

– И мой ученик, – уже без каких-либо нервов, а наоборот, в полном спокойствии спросила Марфа, – накормил тебя хрустальным яблочком?

– Ну да – прозраченькое такое, – кивнула девушка, не очень понимая, чего от неё, собственно, хотят. – С дымкой зелёной внутри, звёздочками и искорками! Вкусное – остановиться не могла!

– И с тобой всё было нормально? – вновь задала вопрос Бажова.

– Я не знаю самого процесса, но мы её госпитализировали, – вставила Ольга, – несколько дней она была очень нестабильна.

– Это, в общем-то, нормально. Повезло тебе, девочка... папаня твой в лодке, похоже, обычную женщину нашёл... А не одарённую, иначе ты б уже умерла, – задумчиво произнесла гостья и кивнула, а затем, отпустив девушку, поднесла руку к её груди.

– Ты совсем недавно верила, что Антон съел кучу этих яблок, вырванных их детей, проходивших экзамен... – осуждающе покачала головой учёная.

– Моя печать, – слегка рыкнула Охотница на чудовищ, складывая незнакомые Ольге ручные печати, а затем, остановившись, не донеся светящуюся красным руку до живота Алёны, повернувшись, спросила: – Можно?

– Смотря что, – холодно ответила Ольга Васильевна, подходя к парочке. – Это женщина моего Антона...

– Это теперь Бажова! – ошетинилась в ответ Марфа. – А не какой-то там простец, который может просто так быть чьей-то женщиной!

– И тем не менее она с Антоном! Что ты намереваешься сделать? – игнорируя её реакцию, спросила Кня'жина, прикрыв рукой рот младшей Ольги-Алёнки, что заставило её замолчать, хотя девушка и пыталась что-то сказать.

– Своей силой повысить начальный контроль, – уже спокойно ответила Марфа, рука которой так и светилась пурпурным.

– Чем это грозит девушке? – продолжила допрос Ольга, глядя Бажовой прямо в глаза.

– По праву, дарованному нашим кланом, я смогу, проверив её, объявить своей названной дочерью! – гордо ответила Бажова и посмотрела на растерянную Алёну. – У тебя родители – простецы, и ты съела яблочко с живицей кого-то из нашего клана. У любого найденного Осколка должен быть призванный живицей родитель!

– То есть у тебя нет никаких претензий к тому, что Антон мой сын? – холодно спросила Ланская.

– Нет, – призналась Бажова.

– Зачем я вам? Если это разлучит меня с Антоном, я не согласна! – вырвавшись, только благодаря тому, что схватилась обеими руками за ладонь Ольги Васильевны, воскликнула девушка.

– То есть тебя не волнует, что ты, по сути, отречёшься от родных папы и мамы? – усмехнувшись, поинтересовалась Марфа.

– Я никогда их не забуду! – уверенно произнесла девушка, с вызовом глядя на старших женщин. – А Антон, он мой! Навсегда! Пусть даже Хельга... и Нина... и Алиса...

Алёна забормотала, а Ольга и Марфа только усмехнулись. В клановых порядках, что бы ни случилось, статус Алёнки как первой наложницы Антона уже не оспаривался, пусть даже она и будет кем-то удочерена. Для его отмены парень должен умереть. И одна женщина думала, что не допустит этого, а вторая – что после всего услышанного и прочитанного сегодня посмотрит и подумает, убивать ли своего ученика или нет.

– Обещаю вам не мешать, – произнесла женщина и таки приложила руку к животу девушки.

Ровным счётом ничего не произошло. Вот только ни Марфа, ни Ольга, в отличие от Алёны, не удивились. Зато, когда смущённую девушку попросили представить огонь на руке, и тот появился, быстро затопив весь кабинет, ахнули обе. Одна пробормотала что-то про «Звёздных», а вторая завила: «Беру!»

* * *

Сегодня я первый раз поцеловался с Хельгой. Гуляя по кампусу, мы зашли на одну из зимних аллей, внезапно оставшись одни, а потом оказались очень близко, и оно случилось... словно произошёл взрыв мозга. Удивительно, но с Алёной я ничего подобного не ощущал. Поцелуи и объятия с ней были тоже приятны, но по-другому. Только положив руки на талию Никитиной сестры, я испытал странный трепет, прошедший по всему телу, который вряд ли смогу забыть.

Я даже не был уверен, сколько прошло времени, прежде чем мы, потеряв дыхание, разъединились. Удивительно, но глаза Хельги, вообще-то карие, блестели алмазами, цирконами, сапфирами в глубине, а также мириадами искр, и это было самое прекрасное, что я видел в своей жизни. В то время как она не могла оторвать взгляда от меня. Никакая Таша, научившая меня целоваться, ни Алёна, которую, я думал, что искренне любил, не могли сравниться с созданием Древа... дриадой, находившейся в моих объятиях. И сравнивать было просто глупо!

Ещё и ещё раз мы целовались с Громовой, и каждый раз меня словно уносило куда-то, а вообще трогать это казавшееся мне неземным явно древесное существо было чем-то невероятным. Почти святотатством, чем-то, отчего трепетала сама душа, а её окаменевшая часть пульсировала при одном только взгляде на девушку. Это было лучшим, что случалось в моей жизни! Хельга же практически теряла сознание после каждого поцелуя, и остановиться мы просто не могли, губы так и тянулись друг к другу.

А потом кто-то пришёл в наш сотворённый маленький мирок, и мы были вынуждены покинуть его. Не взирая на то, что достоинство стояло колом, а пах откровенно болел по совершенно непонятной мне причине. Я терпел, в то время как в голове была исключительно Хельга. Хельга и её нежное тело, на удивление, даже в зимней одежде куда более мягкое, чем у обнажённой Алёны... И, вмешайся сейчас её брат, Никита, я, наверное, бы его просто убил!

Голые заснеженные деревья, медленный шаг по поскрипывавшему снегу и ощущение жаркого тепла, которое дарила мне моя спутница. Набравшись смелости... будто никогда не встречался со смертельным врагом, я спросил, хочет ли она быть моей девушкой. И она прошептала: «Да!» А затем... словно наши энергетика срослись! Такой я почувствовал прилив. Так мы добрались до территории Школы, где я, уже никого не стесняясь, поцеловал подавшащую навстречу «мою» Хельгу и, вежливо кивнув покачавшей головой комендантше её общесития, удалился.

Чувствуя не унимающуюся боль в причинном месте и опасаясь, что со мной что-то не так, ведь ранее при общении с девушками я никогда не испытывал ничего подобного. Я направился к моей дриаде, святой женщине из-под самой кроны Древа, Ларисе Вениаминовне. И от одного только вида школьной медсестры мне стало только хуже. Впрочем, именно она и объяснила, что происходящее со мной – вполне нормальная мужская реакция на общение с девушкой, которая мне больше, чем просто нравится, но при этом в плане немедленной любви недоступна. На вопрос же об Алёне, про которую эта женщина знала, мне посоветовали поспешить к ней, чтобы как раз она помогла сбросить возникшее напряжение.

Так что по дороге я лишь мельком обратил внимание на мальчика и девочку где-то шестого класса школы, которые шли вместе с Директором Бояром куда-то по своим делам. Добравшись же до дома, узнал от Клары, добавившей неприятных ощущений в моём паху, что

ни странная избившая меня утром женщина, ни Ольга Васильевна, ни Алёна, чуть позже присоединившаяся к ним, из кабинета так и не выходили.

Подозревая худшее, я направился туда. И уже у двери услышал разговор.

– Так вот, прыгаю я, значит, на нём, а он как завопит! Сломал! Понимаете, он его во мне сломал! – произнесла та самая Бажова, затем грянули громким залиvistым смехом две женщины, а я поспешил постучать.

Красная и явно нетрезвая Алёнка, увидев меня, буквально пулей, выпущенной из пулевика-штуцера, вылетела из помещения, молча повиснув на шее. Она практически меня задушила, но прижавшееся тело тут же породило новую волну боли в детородных органах. Вот только дальнейший вечер и бессонная ночь были такими, что, кажется, я её даже немного замучил.

Впрочем, утром девушка блестела, в то время как я чувствовал себя так, словно по мне проехал трактор. Однако в фантазиях всё это время в моей кровати провела не счастливая поутру Алёна, а Хельга, о чём моя наложница-любовница от меня никогда не узнает!

Глава 3

Обидели лилипа: написали в норку! А точнее, подняли меня ни свет ни заря и выгнали на тренировку. Сплошное насилие над организмом, потому как обычно встаю я всё-таки попозже, а пробуждение в такое время живо напомнило мне Бездну прошлых годов школьных тренировок.

Сияющая и почему-то свежая Алёна, хоть засыпали одновременно, часа четыре назад, быстренько одевшись и убежав на кухню, где уже вовсю стряпала Клара, настроения также не добавила. Как и суровое выражение лица тётки Марфы, как велела называть себя новая наставница, появившаяся в нашем доме три дня назад и всё это время где-то пропадавшая с Ольгой Васильевной.

Естественно, я не жаловался, так, побурчал немного себе под нос, пока справлял утренние дела в туалете, подспудно привыкая к тому, что вот такой вот дерьмовый теперь у меня будет распорядок дня, да и принял подобные изменения как неизбежное зло. Сам вроде как хотел сдвинуться с мёртвой точки, так что придётся привыкать, а не жаловаться на судьбу-злодейку. Тем более что до часа «Х» и, соответственно, дуэли, осталось совсем немного времени.

Разминка под пристальным светящимся взглядом единственного глаза Бажовой началась с пробежки в десять кругов вокруг внешней стены кампуса. Причём наставницу категорически не устроила ровная заасфальтированная и вычищенная объездная дорожка, а потому бежал я параллельно с ней по «естественному ландшафту». То есть по почти пятидесятисантиметровому снегу, прикрывавшему кочки, корни, выбоины и буераки, к тому же большую часть времени лавируя между стволами растущих вдоль обочины деревьев с приличными такими шансами переломать себе ноги.

И если я думал, что после первого круга станет полегче, то жестоко ошибался. Стоило мне только выйти на уже проторенную колею, как немедленно поступила команда сместиться на пять метров левее и не пытаться филонить. Так что каждый следующий круг становился не то что не легче, а наоборот, тяжелее. Но в итоге я справился, и тётка Марфа позволила немного перевести дыхание... проделывая двести отжиманий в выуженных из её подсумков учебных подавителях живицы.

Затем забег повторился. Только на этот раз мне было наоборот велено бежать по уже взрытому мною пути, в то время как руки оказались качественно заломлены и связаны за спиной. Да ещё к тому же петля, словно удавка, закинутая на шею, не просто мешала хоть немного их опустить, но и прилично давила на горло, если я по привычке обычного бега начинал помогать себе, балансируя хотя бы плечами.

Вот в этот раз я как следует извальялся, пока выполнил поставленную задачу. Да и дышал уже как загнанная лошадь и действительно в какой-то мере отдыхал, когда выполнял двести упражнений на пресс, лёжа, кстати, не на тёплом полу, а на холодном, замороженном и покрытом ледяной коркой асфальте.

Дальше ломали мой пародикл. Ну, точнее, не ломали, потому как ничего такого с ним от езды с невключённым мотором не станет, вот только я в этот раз выполнял роль бурлака и тянул за собой аппарат с сидящей на нём наставницей. Слава Древу, по дороге, но это не упрощало задачу, потому как двигаться надо было с такой скоростью, чтобы привязанная ко мне машина катилась и не заваливалась набок, что, надо сказать, просто было только поначалу.

Закончился же первый акт кремлёвской постановки «Цыплята учатся летать!» пробежкой по одному из небольших замёрзших озёр. Причём двигаться надо было не просто сохраняя баланс на скользкой поверхности (для чего мне было показано, как подавать живицу в подошвы сапог, вокруг которых возникало серебристое свечение), но и по команде менять темп, то замедляясь, то, наоборот, ускоряясь. А если поступал приказ «разворот», следовало

немедленно двигаться в другую сторону, причём не просто так, а челночным бегом или приставным шагом по выбору Марфы Александровны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.